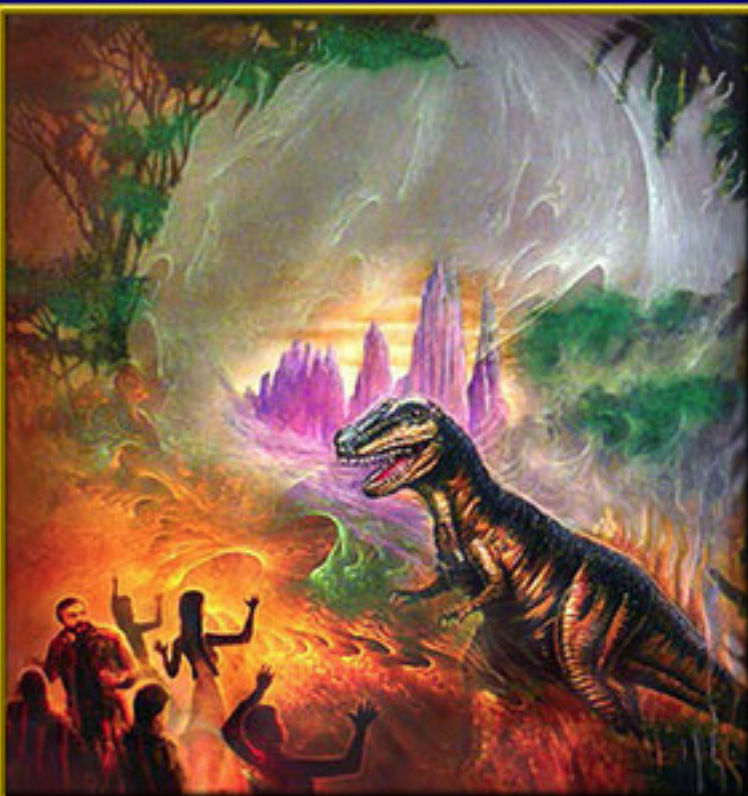

Ольга Ерёмина
Николай Смирнов

ИВАН ЕФРЕМОВ

Ольга Ерёмина

**Иван Ефремов. Издание
2-е, дополненное**

«Еремина Ольга Александровна»
«Смирнов Николай Николаевич»

2017

Ерёмина О. А.

Иван Ефремов. Издание 2-е, дополненное / О. А. Ерёмина —
«Ерёмина Ольга Александровна», «Смирнов Николай
Николаевич», 2017

Книга рассказывает о жизни и творчестве крупного учёного-палеонтолога, геолога и всемирно известного писателя Ивана Антоновича Ефремова. Для широкого круга читателей.

© Ерёмина О. А., 2017

© Ерёмина Ольга Александровна, 2017

© Смирнов Николай Николаевич, 2017

Содержание

От авторов	6
Предисловие ко второму изданию	8
Глава первая. Детство (1908–1921)	10
Антип Харитонович Ефремов	10
Купец и благотворитель	12
Ваня открывает мир книг	15
Очарование камня	17
«Век драконов» и книги Пржевальского	19
Фотография	22
Вольный ветер Бердянска	23
Аллан Квотермейн в Херсоне	26
Вихри гражданской войны	31
Глава вторая. Отрочество (1921–1924)	34
Возвращение в Петроград	34
Школа и работа	36
На подступах к палеонтологии	39
Пётр Петрович Сушкин	43
Орнитолог и палеонтолог	47
Дмитрий Афанасьевич Лухманов	49
Навигация на Дальнем Востоке	52
Глава третья. Юность (1924–1928)	55
В университете	55
Кызыл-Агачский залив и навигация на Каспии	58
Сотрудник Геологического музея	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Ольга Ерёмина, Николай Смирнов
Иван Ефремов. Издание 2-е, дополненное**

© Ерёмина О. А., Смирнов Н. Н., 2017

* * *

Посвящаем нашим детям – Нине, Ладе, Всеславу

От авторов

В 2012 году мы отметили сорокалетие памяти Ивана Антоновича Ефремова. Необычность этого человека стала очевидна уже в середине XX века, когда Евгений Павлович Брандис и Владимир Иванович Дмитриевский начали писать о нём книгу «Через горы времени» (1963). Первая глава пунктиром рассказывала о биографии писателя, следующие посвящались литературоведческому разбору уже опубликованных рассказов, повестей и романа «Туманность Андромеды». В семидесятые годы авторы хотели переиздать свою книгу, дополнив её новыми фактами. После ухода из жизни Дмитриевского Брандис продолжал работу, но завершить и опубликовать её не успел.

В 1987 году палеонтолог, ученик Ефремова Пётр Константинович Чудинов издал книгу «Иван Антонович Ефремов». Первая глава вновь была посвящена биографии, следующие – достижениям Ивана Антоновича в области палеонтологии. В последней главе Чудинов рассказывал о своём знакомстве и общении с учителем.

Идея создания книги о жизненном пути Ефремова буквально витала в воздухе.

В 2004 году вокруг сайта «Нооген» и его создателя и редактора Андрея Ивановича Константинова собралась небольшая группа единомышленников, усилиями которой стал накапливаться биографический и аналитический материал. Через несколько лет, составив подробную хронологию, мы начали работу над книгой. Задачу поставили себе непростую – написать художественную биографию Ефремова, чтобы увлекательная, богатая жизнь героя была представлена живо и подробно на фоне важнейших событий эпохи. При этом факты должны быть точными, а информация о событиях – по возможности исчерпывающей.

По ходу работы в наши руки часто попадали редкие книги, статьи в изданиях, которые можно найти лишь в архивах. Мы сочли возможным достаточно обширно цитировать их, чтобы у современного читателя была возможность самому, не в пересказе, услышать голос эпохи.

Главы об экспедициях строятся на документах: командировочных удостоверениях, отчётах, альбомах с фотографиями. В то же время потребовалось тщательно изучить различную литературу по теме, чтобы картина путешествий была красочной и точной.

Биография писателя немыслима без обращения к его творчеству, а биография мыслителя – без исследования корпуса его основных идей. Поэтому в книгу включены главы, посвящённые произведениям Ефремова и его мировоззрению.

Таисия Иосифовна, вдова писателя, позволила нам использовать не опубликованную ранее переписку, что помогло ярче осветить личность нашего героя, уточнить многие факты и подробности. В данной книге при цитировании писем из личного архива И. А. Ефремова, хранящегося у Т. И. Ефремовой, мы ограничиваемся указанием адресата, адресанта и даты письма. Если цитируются письма из других архивов, следует отдельное указание.

В последней главе мы с разрешения наследников используем фрагменты неизданного романа Спартака Фатыховича Ахметова «Чёрный шар», который создавался в течение пяти лет (1973–1977). Это роман о жизни научно-исследовательского института, о людях науки, о любви, верности, предательстве. Вещь разноплановая, в основном реалистическая, с элементами сказки и научной фантастики. «Многие описанные события произошли со мной или во мне, или были рассказаны близкими людьми. Отдельные главы я обсуждал с прототипами и постарался учесть их замечания. В этом смысле авторов у книги много, и тем ближе она к истине», – делился автор с читателями в эпилоге.

Очерк «Последний день», являющийся составной частью «Чёрного шара», – это расширенный вариант опубликованного очерка «Броненосец с пробойной под ватерлинией». Предлагаемые читателю фрагменты главы «Обыск» никогда прежде не публиковались. Вымышлен-

ные имена героев, использованные автором в романе «Чёрный шар», специально для этого издания заменены на подлинные.

Мы благодарим родственников И. А. Ефремова, его друзей и единомышленников:

- Таисию Иосифовну Ефремову, вдову писателя, и его сына Аллана Ивановича Ефремова за поддержку и помощь в сборе материалов и подготовке рукописи;
- Альберта Фаритовича Сайфутдинова (Новосибирск) за предоставление и дополнительное уточнение материалов рукописи «Открой в себе талант» и меценатство;
- Эльгу Борисовну Вадецкую (Санкт-Петербург) за рассказ о своей дружбе с Ефремовым;
- Галину Леонидовну Ахметову и Камилла Спартаковича Ахметова (Москва) за предоставление материалов книги С.Ф. Ахметова «Чёрный шар»;
- Геннадия Исааковича Беленького (Москва) за внимательное прочтение и доброжелательную критику;
- Андрея Константинова (Москва) за подготовку к публикации переписки И. А. Ефремова;
- Антона Нелихова (Москва) за щедрое предоставление архивных материалов, консультации по истории палеонтологии и редакторскую помощь;
- Ларису Павловну Ерёмину (Калуга) за постоянную заботу и поддержку;
- Аллу Борисовну Егорову (Киров) за географические сведения о реках Чаре и Олёкме и за сведения об А. П. Быстрове;
- Даниила Наумова (Москва) за предоставление материалов о биографии А. П. Быстрова;
- Алексея Афанасьева (Одесса) за техническую поддержку и помощь в обработке материалов;
- Нину Грицай (Санкт-Петербург) за помощь в работе с архивом Горного института Санкт-Петербурга;
- Любовь Данилову (Великий Устюг) за предоставление материалов и консультации по Шаржёнградской экспедиции;
- Сергея Макарова и Сергея Мищенко (Тында) за помощь в работе с материалами Музея истории БАМа в городе Тында;
- Александра Ермошкина (Хабаровск) за консультации по материалам Нижне-Амурской экспедиции;
- Виктора Бурю (Хабаровск) за предоставление краеведческих материалов по Нижне-Амурской экспедиции;
- Ирину Сяэск (Тарту) за материалы о дружбе И. А. Ефремова и П. Ф. Беликова;
- Семёна Лопато (Москва) за плодотворные идеи и товарищескую поддержку;
- Сергея Беякова (Иваново) за внимательное прочтение и корректорскую помощь;
- Елену Егорову (Киров), Ольгу Цыбенко, Ларису Михайлову (Москва), Миру Покорук (Винница), Татьяну Смирнову (Санкт-Петербург) за помощь в подготовке материалов;
- Ольгу Хлынину, Ирину Голенкову, Александра Голенкова, Ларису Волохову, Николая Кузнецова, Фаниля Ахметова (поселок Уранбаш, село Комиссарово, хутор Херсонский Оренбургской области) за помощь в знакомстве с Каргалинскими рудниками;
- Сергея Мельникова (Москва) за дружескую критику и материальную поддержку.

Предисловие ко второму изданию

Летом 2013 года мы закончили нашу книгу «Иван Ефремов» – итог многолетнего изучения творчества и биографии выдающегося писателя и учёного-космиста XX века. Она вышла в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия» в декабре того же года. Некоторое время казалось, что работа наша завершена. Точка поставлена.

Затем возникла необходимость провести несколько презентаций книги. За годы получилось больше полусотни встреч – в Москве, Санкт-Петербурге, Вологде, Калуге, Клину, Кирове, Тольятти, Ярославле, Дмитрове, Калининграде, Барнауле, Кемерово, Ангарске. Наиболее яркими оказались выступления в Горных институтах Санкт-Петербурга и Москвы, в геологоразведочном университете в Москве, на биологическом факультете СПбГУ, в Музее Землеведения МГУ, в Минералогическом музее им. Ферсмана, в библиотеке Автоваз г. Тольятти, в центральной библиотеке Калининграда, в квартире-музее В.И. Белова, библиотеках и университетах Вологды, в лектории Музея Востока, дважды – в институте Востоковедения. В Международном центре Рерихов мы провели цикл из четырёх лекций.

Были получены глубоко прочувствованные умные отклики от таких замечательных мастеров своего дела и профессионалов как писатели В. П. Крапивин, Г. М. Прашкевич, Д. В. Морозов (автор романа «Дваждырождённые» и основатель педагогического сообщества Китеж), директор центра русских исследований института фундаментальных и прикладных исследований при МГУ историк А. И. Фурсов, профессор филологии КГПУ В. Х. Гильманов (Калининград), видный геолог и специалист по сибирскому золоту А. В. Сурков, доктор физико-математических наук и крупный эволюционист А. Д. Панов (ГАИШ), доктор медицинских наук и зав. кафедрой нормальной физиологии КемГМА Д. Ю. Кувшинов (Кемерово), доктор технических наук и профессор М. Д. Рукин (Москва), профессор и зав. кафедрой социологии БелГУ С. Д. Лебедев (Белгород), кандидат философских наук и доцент кафедры истории и философии ТГУ Б. В. Царёв (Тольятти) психолингвист и директор музея писателя Белова Э. Л. Трикоз (Вологда)...

Презентации дарили нам общение с людьми, которые с юношеских лет любили рассказы и романы Ефремова, с теми, кто выбирал специальность и прокладывал свой жизненный путь под влиянием идей Ивана Антоновича. Среди них были геологи, палеонтологи, историки, археологи, физики, математики, биологи, педагоги... Нам приносили статьи из старых газет, где говорилось о палеонтологических раскопках Ефремова, научные работы по истории и литературоведению, где речь шла о творчестве нашего героя, и даже письма, написанные Ефремовым своим друзьями-учёными и бережно сохранённые их учениками или родственниками. Особенно дорого нам было общение с теми, кто лично встречался с Иваном Антоновичем.

Так, встреча с Евгенией Михайловной Величко помогла узнать о дружбе Ефремова и Сергея Алексеевича Мухина, знаменитого врача-гомеопата. Писатель Геннадий Мартович Прашкевич рассказал о своих встречах с Иваном Антоновичем. Поиски в архивах библиотек привели к находке стихотворения Сергея Житомирского «Ночь в пустыне», посвящённого Монгольской палеонтологической экспедиции. Встреча с историком Павлом Фёдоровичем Николаевым дала возможность познакомиться со стихами Ефремова, написанными в Верхне-Чарской экспедиции.

Специалисты в разных областях знания делились с нами своими наблюдениями над творчеством Ефремова, размышлениями о его экспедициях. Задавали вопросы, которые заставляли по-новому осмыслять разные стороны жизни героя. Замечали проблемные места. Какие-то недоговорённости видели и мы сами.

За это время подошла к финалу работа по изданию переписки Ефремова, стал ещё более очевиден поистине возрожденческий масштаб личности писателя и учёного.

В этой связи необходимо несколько слов сказать о нашем подходе к личности Ивана Антоновича.

Жизнеописание построено по принципу сдвоенной биографии – событийной и духовно-интеллектуальной. Такова была вся жизнь Ефремова – на балансе экстравертности и интровертности. Сам переживший немало приключений в многочисленных экспедициях и различного рода жизненных коллизиях, он в литературу вошёл с концепцией «приключений мысли», показав этим дорогу для творческого преобразования накопленного опыта. Иван Ефремов предстаёт перед нами прежде всего как мастер жизни, сумевший в труднейших условиях России XX века воплотить свою миссию – через научное творчество, через искусство, через выстраивание отношений с другими людьми – что особенно важно и имеет непреходящее значение.

Всё это привело к необходимости вносить в книгу уточнения и дополнения. Разумеется, говорить о завершённости работы не приходится и сейчас – такова судьба всякого перспективного многовекторного исследования, находящегося в непрерывном становлении.

К сожалению, в 2014 году без нашего ведома текст нашего исследования был выложен в интернете пиратским образом – с теми неточностями, которые были допущены в первом издании.

Первое официальное издание книги – бумажное.

Настоящий текст подготовлен в 2017 году для первого официального электронного издания, по существу – второго издания книги.

В 2016 году в издательстве «Вече» вышел том «Переписка Ивана Антоновича Ефремова», сопровождающийся отдельно изданными «Алфавитными указателями» (автор-составитель О. А. Ерёмкина). Более тысячи двухсот пятидесяти писем расположены в хронологическом порядке и дают максимально возможное представление о знакомствах и общении писателя и учёного. В 2017 году автор-составитель был удостоен Международной АБС-премии в номинации «Критики и публицистика».

Включены в данное издание ЖЗЛ и новые отрывки писем, а в качестве приложения – статья «По лезвию – за горизонт!», являющая послесловием в уже ставшей библиографической редкостью переписке. Помимо ряда специфических акцентов, касающихся исключительно эпистолярного наследия мастера, статья имеет актуальность как анализ отношения к Ефремову и его творчеству в современном обществе, а также роли и места самого Ефремова в русской культуре.

Однако точка не поставлена и сейчас. Мы продолжаем находить документы, связанные с именем Ефремова, в том числе и не известные нам ранее письма. Всё это позволяет посмотреть на произведения писателя свежим взглядом, и лучший результат, которого могут пожелать авторы, – это обращение читателей к рассказам и романам нашего героя.

Глава первая. Детство (1908–1921)

Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные её нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий...

И. А. Ефремов. Лезвие бритвы

Антип Харитонович Ефремов

Антип Харитонович выбирал себе жену. Был он уже не молод – аккурат между четырьмя и пятью десятками, однако женихом почитался завидным. Да и собой ещё хорош. Знал он цену времени, потому и выбирал не спеша, как строевой лес покупал – каждое дерево оглядывал. Пора, пора наследниками обзавестись. Будет что им передать!

Так рассуждал Антип Харитонович, сидя в коляске, которая катила полевой дорогой из Вырицы в село Тосно. Долог путь, да кони резвы, и под сердце подкатывает комок горячий, и в ярких вспышках сознания, словно навек впечатанные, видит он картины.

Родное старOVERческое Заволжье¹. Луговина – сочные травы. С дальнего конца поля заходят косари – все в красных рубахах. Впереди – кряжистый, как старый дуб, с жилистыми руками – старик-отец. Шаг задаёт. За ним – уступами – сыны-богатыри, как на подбор. Восемь старших сыновей косят, а двое меньших с бабами сено перебивают. Он, Антип, успокаивая дыхание, встраивается вслед за старшими братьями. На душе легко!

В 1882 году, через год после того, как царя-батюшку убили, в осеннюю распутицу пришла в село весть о новом наборе на военную службу, который сменил прежнюю рекрутчину. Да уж и ясно было, что Антипу идти – теперь призывали всех, ведь срок службы сократили. Антип, двадцати одного года, молодец хоть куда! Перед проводами отец ввёл Антипа в горницу, взял в руки икону, велел стать на колени. Но прежде родительского благословения строго произнёс:

– Вот что, сыне мой, едешь ты в дальнюю сторону. Много будет вокруг тебя молодчиков, кто и обидным словом задерёт, а ты порохом пыхнешь. Но-но, не перечь! Знаю я тебя. Клянись мне на кулаках не биться и в драки не вступать. Клянись перед ликом Богородицы!

Когда завтрашний новобранец с пылающими щеками вышел из горницы, он заметил в глазах старших братьев понимающие усмешки. Потом уже понял Антип, что клятву таковую отец брал с каждого из сыновей. Чем согрешили дед или прадед, что потребовалась такая крепкая мера?

Двухэтажные казармы рядом с Царскосельским вокзалом, выкрашенные коричнево-розоватой краской. Утопанный тысячами ног плац. На площади – огромный Введенский собор о пяти золочёных главах. А мимо – туда-сюда кареты, офицеры на конях, дамы в пышных городских нарядах. Всё казалось диковинным молодому солдату Семёновского полка. Однако Антип быстро обвык в полку, присмотрелся к жизни в Петербурге. После курса полковой учебной команды – звание ефрейтора. Затем с гордостью отписал родителям, что стал унтер-офицером. Шесть лет службы вышли, но возвращаться домой Антип Харитонович не спешил – резону не было. Он остался на сверхсрочную, имел награждения и повышения по службе.

¹ А. Х. Ефремов родился на реке Керженец (левый приток Волги), в окрестностях уездного города Макарьево (ныне посёлок) в Нижегородской губернии. Вероятно, его родина – село Богородское. Волгу и паромную переправу с левого берега на правый, из Макарьево в Лысково, конца 1920-х – начала 1930-х годов, И. А. Ефремов описал в первой главе романа «Лезвие бритвы».

Однако воевать не довелось: государь Александр Александрович войн не любил. Видно, слишком хорошо помнил он, к чему привели Крымская, а затем и Турецкая войны.

Казармы, лагерные сборы, учения, манёвры... Дни текли как смола по стволу. Шестнадцать лет прошло – и стал крестьянский сын, а затем унтер-офицер лейб-гвардии Семёновского полка коллежским регистратором. Низшим гражданским чином XIV класса его наградили за годы беспорочной службы.

В эти годы родилась у Антипа Харитоновича дочь – вне брака.

Уволившись, он некоторое время состоял помощником казначея хозяйственного комитета Покровской общины сестёр милосердия. Но душа просила иного – широкой работы не под чужим началом, а по своему разумению. Ещё во время манёвров Антип Харитонович присмотрел небольшое местечко за Гатчиной, на берегу реки Оредеж. На небольших холмах там росли стройные сосны и высокие мрачные ели. Из Петербурга отправился Антип Харитонович в Вырицу, срубил там себе избу-пятистенку и, обустроив тылы, со всей силой и напором приступил к выполнению главной для себя задачи – выбиться в люди.

Хозяином вырицких земель был светлейший князь Генрих Фёдорович Витгенштейн, правнук знаменитого маршала. На берегу Оредежа стоял его охотничий замок, а неподалёку работала лесопилка. Однако возможность поохотиться привлекала господ больше. И тогда Антип Харитонович арендовал у князя лесопилку. В Петербурге строительство идёт бойко, доска в цене. А когда промышленники начали строить через Вырицу железную дорогу, решился вопрос о доставке леса в город. В злосчастный год, когда всех волновала война с Японией, главным интересом Антипа Харитоновича стало открытие железной дороги и широко развернувшаяся – его собственная – торговля.

И вот купец второй гильдии на собственной коляске едет к одному из знакомых крестьян-старожилов, знатному шорнику Лександру Ананьеву. Сказывал тот, дочь у него на выдаче. Семья у Ананьевых строгая, работающая, отец здоровьем крепок, стало быть, и дочь – доброго корня побег. Любая чиновница или купеческая дочь была бы рада такому жениху, но Антип Харитонович знает, каковы они – городские девицы! Сейчас им давай наряды да забавы, а хозяйки они никудышные. Да и своевольны весьма. А крестьянская дочь из повиновения не выйдет.

В избе – терпкий запах клея и кож, но его перебивает смачный дух сдобных пирогов, что хозяйка напекла к приезду важного гостя. Дочка Варвара – пёстрая юбка, расширяющаяся к талии светлая блуза, волосы гладко зачёсаны, на голове повязка девичья. Тонкие, но отчётливые черты лица, широкий разлёт бровей, твёрдый взгляд внимательных голубых глаз. Сидит за столом прямо, кусочек пирога – и тот не съела! А отец, словно не замечая пристальных взглядов Антипа Харитоновича на дочь, ведёт речь о новой дороге да о выгоде своего ремесла, приговаривая:

– Шорник – полковник, портной – майор, а сапожник – в грязь – так князь, а сухо – пали его в ухо!

Антип Харитонович говорит: мол, с глазу на глаз с хозяином перемолвиться надо. Шорник отослал хозяйку и дочь, выслушал гостя да призадумался.

Вот так дела: сват – да не сват. Желал Антип Харитонович, чтобы непременно наследник у него родился. Сначала, мол, сын, а потом – свадьба. А если дочь? Небывалое творится!

Долго ли, коротко ли думал Ананьев – да согласился.

Купец и благотворитель

Жить Антип Харитонович и Варвара Александровна стали в новом просторном доме на пересечении улицы Балтской и проспекта Сегаля. Дом поставлен основательно, из отборных брёвен. Двор вымощен деревянным торцом – ни грязи, ни воды не будет.

Прошло лишь несколько дней после переезда, а Варвара чувствовала себя одинокой, покинутой. Нет, помыслы Антипа Харитоновича были заняты не другими женщинами – всё время и силы он посвящал своим проектам.

Землями к югу от станции Вырица владел Матвей Яковлевич, британский подданный Мэтью Эдвардс. Целебный воздух, настоянный на хвойных ароматах, а также удобство нового сообщения с Петербургом навели его на мысль разбить лес на дачные участки. Чтобы новоявленным дачникам легче было добираться до места со своими узлами и детишками, он отвёл от линии ветку с тремя платформами и поставил станцию «Посёлок». Дачный городок на земле Сегаля, компаньона Антипа Харитоновича, тоже рос с каждым годом. Рабочие Ефремова прорубали в нём просеки под новые улицы, а Антип Харитонович давал им имена городов родного Поволжья: Самарская, Сызранская, Астраханская, Нижегородская²...

Дачи – это ладно, рассуждал Антип Харитонович. Господа, чай, дома-то не из глины лепят. Тоже лес понадобится. А к кому и податься, как не к Ефремову? Всё прибыток. Да и от «Платформы № 2» до лесопильного завода всего ничего – и двух вёрст не будет. Но легко сказать – проложить свою ветку, а хлопот-то сколько! Но зато какой гордостью светилось обветренное лицо лесопромышленника, когда первый вагон с пиленным лесом выкатил на Московско-Виндаво-Рыбинскую магистраль! Ведь это не телегами до станции лес везти. Дело набирало обороты, ефремовский лес шёл уже во многие города России.

Заводу нужны грамотные рабочие. Стало быть, требуется школа, где бы дети учились грамоте и счёту. И вот на берегу Оредежа построена начальная школа. Не сразу повели рабочие детей к учителю, но добрая слава разнеслась по Вырице и окрестностям, и в 1911 году было в школе уже 64 ученика: мальчиков и девочек поровну.

Контору Антип Харитонович решил ставить не где-нибудь, а напротив вокзала. Такое мог себе позволить только ещё один человек в Вырице – сам Витгенштейн. Венчал здание не привычный шпиль, а глобус. Уж очень по нраву пришлась Антипу Харитоновичу мысль, что Земля наша не плоская, как отец говаривал, а словно арбуз на саратовской бахче. Её, стало быть, и кругом обогнуть можно. И свои, и дачники сразу окрестили контору «дом под глобусом».

Так Антип Харитонович доказал сам себе, что не происхождение и привилегии дают человеку настоящую цену.

Бывшие подруги завидовали Варваре Александровне. Каждой лестно в таком богатом доме хозяйничать! Много глаз наблюдали за ней, как шла она по посёлку, в городском платье, лёгкая, стройная, но уже с округлившимся животом. Но Варе не часто приходилось радоваться. Где тут радость, когда один друг в доме – и тот медведь!

Четверть века назад Антип поклялся отцу, что не будет встречать в драки, не станет участвовать в кулачных боях. Но могучее тело просило испытаний, чтобы кровь стучала в висках и жаркой волной обдавала сердце. Он пристрастился к самой опасной и оттого такой желанной охоте – на медведя. Но, боже упаси, не с ружьём! По старинке – с рогатиной и топором. Чтобы не было у тебя преимуществ перед зверем, чтобы мог ты узнать себе настоящую цену.

² Названия улиц сохранились и по сей день.

На одной из таких охот, уже весной, поднял он с берлоги медведицу, управился с ней. А медвежонка – маленького, что мохнатая рукавица – домой взял, сам выпаивал его молоком из бутылочки. Теперь этот медведь на цепи по двору бегают, ребятишек пугает.

В 1907 году родилась у Варвары дочка Надя, а через год и первый наследник появился – Иван. Варвара Александровна разрешилась утром, легко. Тяжкий груз словно упал с её сердца: теперь кончится её странное, двойственное положение, теперь Антип Харитонович исполнит своё обещание. К вечеру она ощутила такое желание двигаться, увидеть лес да поле, что приказала заложить лошадей и отправилась кататься на тройке.

Антип Харитонович на радостях немалую сумму пожертвовал на строительство церкви во имя апостолов Петра и Павла.

...В Суйдинском парке хлопотали беспокойные дрозды, перелетали с липы на липу. Вековые дубы, посаженные еще Абрамом Петровичем Ганнибалом, выпустили молодые, с красноватыми прожилками, листочки. Отцвели лиловые хохлатки, поляны белели ветренницами. Солнце заливало аллею, на которой стоял каменный диван, высеченный из огромного серого валуна. В основании аллеи стоял двухэтажный дом Ганнибалов, где сто с лишним лет назад жила семья Пушкиных. Недалеко, возле старого кладбища, притулился домик няни поэта, Арины Родионовны.

Варвара Александровна устало опустилась на мягкую вышитую подушечку, заботливо положенную прислугой на холодный камень. Она и не знала, что здесь любил отдыхать прадед Пушкина. В голове светлым колокольцем звучало: «Богородице, дево, радуйся... Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего...»

Этот день – 18 мая³ 1908 года – надолго останется в её памяти. Отстояв с младенцем на руках всю обедню, она поднесла ребёнка к купели. Архивариус записал в метрической книге, в графе «Родители», только одну фамилию – матери. Но Варвара Александровна знала, что слово Антипа Харитоновича твёрдо. Наследник родился – и теперь она станет законной женой.

Так и случилось. 18 декабря 1910 года постановлением суда «Иоанн по отчеству Антипов» был признан «законным сыном титулярного советника Антона⁴ Харитоновича Ефремова и жены его Варвары Александровны»⁵.

Погодкой Ивану родился сын Василий. Он был уже сразу записан как сын Ефремова.

Шумно, беспокойно стало в доме.

И раньше муж то постоянно пропадал на заводе, то ездил в Петербург по торговым делам, а теперь и недвижимостью в столице обзавёлся. На паях с несколькими купцами построил доходный дом на Троицкой улице, возле Пяти углов⁶. В этом огромном шестиэтажном доме недалеко от Фонтанки была и собственная квартира Антипа Харитоновича. Позже он уже единолично прикупил доходный дом на Лиговском проспекте.

Частенько, заключая торговые сделки, вспоминал сын слова отца: «Нам, старолюбцам, Бог за верность помогает. Нам всегда удача. Но богатства копить не след. Грех это!»

Что же самое ценное? Чего так не хватало самому Антипу Харитоновичу и чего он страстно желал своим подрастающим детям?

Широко мыслил купец, далеко. Своим детям он мог дать образование и в Петербурге, денег бы на это хватило. Но видел он Вырицу городом, а городу нужна полноценная школа. Не хуже, чем в столице. И ничего, что его дети ещё малы. Когда до школы дорастут, как раз всё устроится.

³ По старому стилю.

⁴ Антип Харитонович сменил имя вскоре после крещения Ивана, выбрав более модное. Вероятно, это связано с его вхождением в деловые круги Петербурга.

⁵ Суйдинской Воскресенской церкви, Царскосельского уезда метрической книги на 1908 год, часть первая о родившихся. Выписка хранится в личном архиве И. А. Ефремова и Т. И. Ефремовой.

⁶ Ныне ул. Рубинштейна, 23.

В 1910 году в помещении конторы Ефремова и Сегалья состоялось первое собрание господ членов Вырицкого школьного общества. Надо построить здание для школы. Но зачем откладывать начало занятий? Владельцы конторы предложили, как написал потом корреспондент газеты Царскосельского уезда, «настоящее, вполне приспособленное, помещение для школы бесплатно на один год, с отоплением, предоставляемым А. Х. Ефремовым».

Утром 19 сентября у «дома под глобусом» собралось не только всё постоянное население Вырицы, но и дачники. Впереди стояли дети – сорок один человек. Отслужили молебен, и Вырицкая торговая школа открылась.

Через год на участке, который купил Витгенштейн для школы, началось строительство. Как председатель общества, Антип Харитонович хлопотал об освобождении участка под школу от крепостных пошлин и гербового сбора. Пришлось даже испрашивать соизволение Его Императорского Величества. Здание школы предполагалось строить из бетонных блоков – чтобы сто лет простояло⁷. Пять учебных классов, рекреационный и физический залы, библиотека, кабинеты и Приют, где будут жить малоимущие ученики. По смете требовалось 30 тысяч рублей. У школьного общества к началу строительного сезона имелось около пяти тысяч. Средств явно не хватало. Антип Харитонович хлопотал, не жалея своих средств. Он словно наяву видел, как будут учиться в этой школе его подрастающие дети, и все силы вкладывал в строительство. Правда, второй этаж пришлось всё же сделать деревянным.

Деревянная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери вознесла свои главы среди сосен – вновь Антип Харитонович жертвует. На этот раз он молится о здоровье младшего сына, Василия. Тот растёт болезненным мальчиком, и мать заботится о нём больше, чем о других детях. Надя всегда возле матери, а вот Иван...

⁷ Здание школы стоит до сих пор.

Ваня открывает мир книг

В раннем детстве Ваня любил играть тяжёлыми предметами. Его привлекали ступки, гири от часов. Ваня обнаружил, что гири только снаружи медные, а внутри они свинцовые. Наполнение не соответствовало внешнему виду.

В четыре года Ваня открыл для себя особый, никому из домашних не доступный мир. В кабинете отца, где тот бывал так редко, вдоль стен стояли громоздкие шкафы со стеклянными дверцами. В них – книги в сафьяновых и коленкорových переплётах. К отцу приходили компаньоны или заказчики, часто люди образованные, в зарубежных университетах учились. Чтобы поддерживать своё реноме, отец оптом купил в Петербурге целую библиотеку, шкафы – и с тех пор к книгам не притрагивался. Ни привычки у него не было, ни надобности.

Ваня тихо входил в кабинет, едва оглядываясь на стол из тяжёлого морёного дуба, украшенный замысловатым письменным прибором, и распахивал тяжёлые дверцы шкафов. Читал названия книг, разглядывал картинки. Однажды ему, уже шестилетнему, попался роман «Восемьдесят тысяч вёрст под водой». Ваня забрался в высокое кресло, придвинутое поближе к печке, и читал не отрываясь. Второй и третий раз он перечитывал эту книгу медленно, открывая для себя всё новые и новые подробности. Особенно нравился ему слуга профессора Аро-накса – неутомимый Консель⁸, который всё время пытался определить, к какому виду относится тот или иной представитель морской флоры или фауны.

Вот бы раздобыть другие книги Жюль Верна! Случай помог – и Ваня, как откровение, читает «Путешествие к центру Земли».

Гулко шумят под влажным западным ветром вековые сосны и ели, вплотную подступающие к дому. В печке трещат сосновые поленья. Иной раз уголёк выскочит на жестяной поддон – светится алым цветком, прожигает серый сумрак ненастного дня. Так же прожигают сердце Вани строки Жюль Верна.

Как чудесно – быть истинным учёным, как профессор Отто Лиденброк!

«Как бы то ни было, но мой дядюшка – я особенно подчёркиваю это – был истинным учёным. Хотя ему и приходилось, производя опыты, разбивать свои образцы, всё же дарование геолога в нём сочеталось с зоркостью взгляда минералога. Вооружённый молоточком, стальной иглой, магнитной стрелкой, паяльной трубкой и пузырьком с азотной кислотой, человек этот был на высоте своей профессии. По внешнему виду, излому, твёрдости, плавкости, звуку, запаху или вкусу он определял безошибочно любой минерал и указывал его место в классификации среди шестисот их видов, известных в науке наших дней».

Вот бы научиться этому искусству!

Профессор был не только геологом и минералогом, он знал, кроме обязательной латыни, ещё множество иностранных языков и свободно общался в путешествии с жителями разных стран.

Дорого бы дал Ваня, чтобы вдруг оказаться вместе с профессором Лиденброком и его племянником Акселем на корабле, высадиться в Исландии и спуститься в жерло вулкана. Как заманчиво было бы увидеть своими глазами сокровенные глубины Земли! Вместе с Акселем так увлекательно мечтать о том, чего никогда не видел ни один живой человек: «Между тем моё воображение уносит меня в мир чудесных гипотез палеонтологии. Мне снятся сны наяву. Мне кажется, что я вижу на поверхности вод огромных Херсид, этих допотопных черепах, похожих на плавучие островки. На угрюмых берегах бродят громадные млекопитающие первобыт-

⁸ В оригинале Консель – обычный слуга-подросток. Русский переводчик сделал из него начитанного и образованного человека средних лет, который постоянно пытается классифицировать увиденное. В результате русский перевод книги заметно отличается от оригинала.

ных времён: лептотерий, найденный в пещерах Бразилии, и мерикотерий, выходец из ледяных областей Сибири. Вдали за скалами прячется толстокожий лофиодон, гигантский тапир, собирающийся оспаривать добычу у аноплотерия – животного, имеющего нечто общее с носорогом, лошадью, бегемотом и верблюдом, как будто Создатель второпях смешал несколько пород животных в одной. Тут гигантский мастодонт размахивает хоботом и крошит прибрежные скалы клыками; там мегатерий взрывает землю огромными лапами и своим рёвом пробуждает звучное эхо в гранитных утёсах. Вверху, по крутым скалам, карабкается предок обезьяны – протопитек. Ещё выше парит в воздухе, словно большая летучая мышь, рукокрылый птеродактиль. Наконец, в высших слоях атмосферы огромные птицы, более сильные, чем казуар, более крупные, чем страус, раскидывают свои широкие крылья и ударяются головой о гранитный свод».

Стукнет кольцо калитки, звякнет цепь на дворе – Ваня догадывается: отец идёт. Если приходят чужие, то медведь начинает глухо рычать, как сторожевая собака. Негоже мишке на цепи сидеть, считает Ваня, он в лесу жить должен.

Когда в прихожей слышались шаги отца, мальчик осторожно прикрывал дверцы книжного шкафа и убегал в детскую. Кабинет отца из таинственного, полного опасностей и неожиданностей жерла вулкана превращался в место, где заботы всех входящих тут же подчинялись лесоторговле, где дрова, сложенные в печь, являли себя миру не теплом и светящимися угольками, а колонками цифр и рублями.

В детской Ваня продолжал переживать приключения путешественников. Особенно сильно билось сердце мальчика, когда они заблудились, направившись не по тому туннелю, и остались без воды. «Если бы я оказался на месте Акселя, испугался бы я?» – размышлял он. Но каков Лиденброк! Он сберёг для племянника последнюю каплю воды. Он вынес его к развилке и поддерживал в нём силы и веру. В воображении Вани вставал образ не только большого учёного, но и настоящего человека.

В критический момент Аксель спрашивает дядюшку:

«– Как? Вы ещё верите в возможность спасения?»

– Да! Конечно, да! Я не допускаю, чтобы существо, наделённое волей, пока бьётся его сердце, пока оно способно двигаться, могло бы предаться отчаянию».

Очарование камня

Проезжая по Петрограду мимо Исаакиевского собора, Ваня долго смотрел вверх. В своём воображении он поднимался по ступенькам на самую верхотуру и смотрел оттуда вниз. Люди оттуда должны казаться совсем крошечными, трамваи и экипажи – игрушечными, а река, напротив, – огромной. Когда Аксель поднялся на колокольню храма Спасителя в Копенгагене, то услышал:

«– Теперь взгляни вниз, – сказал дядя, – и взглядишь хорошенько. Ты должен приучиться смотреть в бездонные глубины!»

А ведь действительно: чтобы посмотреть вниз, надо подняться вверх!

И радостная волна поднималась в груди: Ваня уже второй раз ехал на выставку камней, которые зачаровали его своей красотой, впитавшей все оттенки Земли, её светоносность и силу.

О выставке художника-камнереза Алексея Кузьмича Денисова-Уральского, открывшейся 5 марта 1916 года, писали все газеты. Свозить Ваню, на время приехавшего с матерью из Бердянска в Петербург, на выставку камней посоветовал князь Витгенштейн. Конечно, сам Антип Харитонович не поехал – не то время сейчас, чтобы по выставкам кататься. А вот Варваре Александровне не помешает проветриться, людей посмотреть и себя показать. Заодно и мальчик стоящие камни увидит – вон сколько голышей с речки в дом натаскал, интересуется, значит.

«Ещё внизу, в гардеробной, где сутились, угодливо кланяясь, слуги, веяло слабым ароматом французских духов и проплывали, шелестя тугими платьями, дамы, можно было заключить, что выставка пользуется успехом. Низкие залы казались пустоватыми и неудобными в тусклом свете пасмурного петроградского дня. В центре каждой комнаты стояли одна-две стеклянные витрины с небольшими скульптурными группами, вырезанными из лучших уральских самоцветов. Камни излучали собственный свет, независимый от капризов погоды и темноты человеческого жилья», – так спустя 46 лет описывал выставку Иван Ефремов в прологе к роману «Лезвие бритвы».

Коллекция Денисова-Уральского в том же году попала в только что открытый Пермский университет, где она хранилась в Минералогическом музее, практически неизвестная широкому кругу специалистов и общественности. Иван Антонович не знал о её судьбе. Какие же глубокие борозды должен был провести резец мастера, чтобы почти полвека спустя Ефремов сумел с документальной точностью описать экспонаты коллекции, среди которых были скульптурные группы-миниатюры: «Белый медведь из лунного камня, редкого по красоте, сидел на льдине из селенита, как бы защищая трёхцветное знамя из ляпис-лазури, красной яшмы и мрамора, а аметистовые волны плескались у края льдов. Две свиньи с человеческими лицами из розового орлеца на подставке из бархатно-зелёного оникса – император Австро-Венгрии Франц Иосиф и султан турецкий Абдул Гамид – везли телегу с вороном из чёрного шерла, в немецкой каске с острой пикой. У ворона были знаменитые усы Вильгельма Второго – торчком вверх. Дальше британский лев золотисто-жёлтого кошачьего глаза; стройная фигурка девушки – Франции, исполненная из удивительно подобранных оттенков амазонита и яшмы; государственный русский орёл из горного хрусталя, отделанный золотом, с крупными изумрудами вместо глаз...»

«Искусство художника-камнереза было поразительно. Не меньше восхищало редкостное качество камней, из которых были выполнены фигурки. Но вместе с тем становилось обидно, что такое искусство и материал потрачены на дешёвые карикатуры, годные для газетёнки-однодневки, “недопрочитанной, недораскрытой”.

Вдоль стен и окон были расставлены другие витрины – в них экспонировались горки, где «сверкала нетронутая природная красота: сrostки хрусталя, друзы аметиста, щётки и солнца турмалина, натёки малахита и пёстрые отломы еврейского камня...»

«Беленький мальчишка лет восьми, с круглой белой головой и огромными голубыми глазами, зачарованно уставившийся на витрину с горками» – таким себя увидел Ефремов спустя годы.

В сцене, описанной в прологе, появляется и дама – её образ создан под влиянием воспоминаний о матери: «Рядом с инженером слышалось шуршание шёлка, повеяло духами “Грёзы”. Инженер увидел высокую молодую даму с пышной причёской пепельно-золотистых волос и такими же ясными озёрами голубых глаз, как у мальчика.

– Ваня, Ваня, пойдём же, пора! Ужасно поздно! – Она поднесла к носу мальчишки браслет с крохотными часами.

– Простите, господа, я должна увести сына. Он у меня чудак – не оторвёшь от камней. Второй раз здесь из-за него...

– Не считайте сына чудачком, мадам, – улыбнулся Ивернев. – За необычными интересами часто кроются необычные способности. Мы по нему проверяли правильность наших собственных впечатлений.

– И не ошиблись! – склонил лысеющую голову Анерт, явно восхищённый красивой дамой».

Ещё одно сильнейшее детское впечатление – посещение цирка. На всю жизнь в памяти отпечаталась такая картина: блестящий силач посадил на ладонь женщину – и несёт! «Вот бы мне так суметь!» – думал мальчик.

«Век драконов» и книги Пржевальского

Когда человек ищет, нужные книги сами идут к нему в руки.

В лавке, где продавались дешёвые издания, Ваня разглядел тоненькую десятикопеечную книжицу с завораживающим названием «Век драконов»⁹. Подзаголовок гласил: «Мое знакомство с допотопными животными».

На обложке был нарисован неведомый зверь с массивным телом на четырёх лапах – задние толще передних, с вытянутой, слегка заостренной головой на длинной толстой шее и широким, тоже заостряющимся хвостом.

Ваня выпросил у мамы десять копеек и стал счастливым обладателем своего сокровища. И вправду, книжка эта принесла мальчику много чудесных переживаний. Одно только её начало чего стоило!

«Для меня не было большего удовольствия, как играть в рыцаря Альберта. Мы снимали дачу недалеко от старой заброшенной каменоломни. В каменоломне водилось множество ящериц. Я бегал за ними и кричал:

– О, гнусные чудовища!

Если бы только вы могли меня видеть! На мне был шлем и панцирь, и в руке я держал обнажённую саблю... Правда, мне этот шлем, и саблю, и панцирь купили в игрушечном магазине, и они были сделаны из жести, но я всё-таки кричал:

– О, гнусные чудовища!

Я воображал, что ящерицы – страшные сказочные драконы, а я – рыцарь Альберт...»

Ваня представляет, что это он, набегавшись, решил ползать в старинных шахтах и встретил там странного невысокого старичка в широком плаще, большой чёрной шляпе, с белыми бровями. Старичок оказался вовсе не колдуном, а палеонтологом. Он объяснил герою книжки, что живёт в каменоломне, чтобы собирать кости давно исчезнувших чудовищ: «Тут, где мы с тобой находимся, десятки тысяч лет назад росли леса и были озёра, болота, горы и скалы... Потом горы размыло реками, ручьями, дождями и всю страну занесло илом, песком и всякой дрянью...»

В пещере, куда учёный пригласил мальчика в гости, была дыра в стене, подобная аквариуму, где вместо обычного стекла стояло увеличительное. Через это волшебное окошко можно было увидеть необыкновенный мир с гигантскими папоротниками, огромными клопами и ящерицей, которая выглядела такой большой, что «если бы ей пришла охота, могла бы проглотить быка».

Мальчик испугался («а я бы не испугался», – думал Ваня), и палеонтолог, долго успокаивал его, рассказывая о далёком прошлом. Герою книжки очень хотелось узнать, были ли в древности моря. Мальчик спросил об этом учёного:

«– Были и моря, – ответил он.

– И в них тоже жили ящерицы?

– Да... Эналиозавры, ихтиозавры, плезиозавры и разные другие.

– Как? – переспросил я его.

– Э, всё равно не выговоришь. Так их называют в палеонтологии. Да это не важно, как они ни назывались бы».

В конце беседы старик показал мальчику скелет игуанодона: «Это был не скелет – это была какая-то постройка из костей!.. Я потом не мог забыть о нём долгое время. Даже во сне он мне снился обыкновенно в виде лягушонка величиной с мельницу».

⁹ Любич-Кошуровъ И. Векъ драконовъ. М: библиотечка А.А. Ступина, 1914.

Герой книги был ошеломлён. Ваня тоже. Вместе с героем он влюбился в палеонтологию. Мальчик из книжки стал большим приятелем учёного. Когда он уезжал с дачи, старик подарил ему на прощанье свой удивительный аквариум.

«Вот бы мне такой!» – думал Ваня.

Волшебного аквариума у Вани не было, и он стал внимательнее приглядываться к тому, что его окружало: к ящерицам – родственникам всяческих «завров», лягушкам, скелеты которых, оказывается, похожи на скелеты игуанодонов, и к скрытым в тени сосен обычным папоротникам, которые миллионы лет назад были огромными деревьями.

Пока мальчик постигал мир, живой и книжный, началась Первая мировая война. По железной дороге недалеко от дома Ефремовых теперь чаще проходили поезда – на юго-запад с солдатами и оружием, в Петроград – с ранеными. Взрослые вокруг говорили только о войне. А мальчик мечтал об ином. Неистовая фантазия превращала его в охотника, который пробирается по мрачному, заболоченному лесу, полному жарких испарений. Редкие стволы величественных деревьев перемежаются с зарослями причудливых папоротников, членистые столбики хвощей выглядят как живые существа. Спрятавшись за толстым поваленным стволом, охотник наблюдает за смертным боем свирепого горгозавра с неуклюжим, закованным в костяную броню стегозавром.

Каждая новая книга дарила Ване радость открытия новых земель и стран.

Как драгоценность, брал он в руки двухтомник знаменитого шведского географа Свена Андерса Гедина «В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан». Мальчик был потрясён: ведь Свен Гедин путешествовал не сто и не двести, а всего двадцать лет назад, в 1883–1897 годах. А ведь он был первопроходцем! Может быть, на земле остались ещё уголки, где не ступала нога учёного, может, и ему, Ване, когда-нибудь удастся совершить нечто подобное, нанести на карту новые хребты и реки?

Как заклинания, звучали азиатские названия: Памир, Мустанг-ату, Кашгар, Каракуль, Мараш-баши, Ак-су. Мальчику грезилась развалины старинных городов в знойной пустыне Такла-Макан, стройные тополя Хотана, древнее озеро Лоб-Нор, гордые вершины Кунь-Луны, высочайшее нагорье на свете – сказочный Тибет. Куланы, дикие яки, верблюды и множество других животных, описанных путешественником, пробудили в мальчике жадный интерес. Как радовался Ваня, когда мама водила его в Зоологический музей! Стоит чуть прищурить глаза, как животные, замершие по велению таксидермиста, оживают, и вот уже кулан скачет по коричневой от жара степи, а по пустыне, мерно переставляя ноги, движется караван верблюдов.

А вот дикая лошадь, открытая великим путешественником Николаем Михайловичем Пржевальским. Ваня готов был часами простаивать перед ней, в голове словно бы звучал ясный и твёрдый голос: «Новооткрытая лошадь, называемая киргизами “кэртаг”, а монголами также “тахи”, обитает лишь в самых диких частях Чжунгарской пустыни. Здесь кэртаги держатся небольшими (5–15 экземпляров) стадами, пасущимися под присмотром опытного старого жеребца. Вероятно, такие стада состоят исключительно из самок, принадлежащих предводительствующему самцу. При безопасности звери эти, как говорят, игривы»¹⁰.

В благодарной детской памяти словно отчеканивались целые главы любимых книг. Это в музее лошадь стояла без движения – Ваня видел её такой, как описал Пржевальский: вот бежит она рысью, «оттопырив хвост и выгнув шею», и скрывается в мареве пустыни.

Как гордился Ваня тем, что Николай Михайлович был первым, что Свен Гедин и другие исследователи Центральной Азии шли по стопам его соотечественника!

¹⁰ Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии. 1879–1880 гг.

Пржевальский исследовал неизвестные районы как географ, этнограф, историк, ботаник, он наблюдал жизнь птиц, открывал и описывал новых, ещё неизвестных науке животных: кроме дикой лошади, он открыл дикого верблюда и тибетского медведя.

«Путешествия потеряли бы половину своей прелести, если бы о них нельзя было бы рассказывать», – говорил Пржевальский с полным правом, потому что рассказывать он умел великолепно. Но его книг «Путешествие в Уссурийском крае», «Монголия и страна тангутов», «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор», «От Зайсана через Хами в Тибет и не верховья Жёлтой реки», «От Кяхты на истоки Жёлтой реки» не было бы, если бы географ не вёл ежедневных дневниковых записей. Это помогло ему не потерять ни одной детали пути. Путешественником надо родиться, говорил Пржевальский. А если ты родился купеческим сыном?

Иногда по ночам Ваня выходил на окружённый высоким забором двор усадьбы. Пахло разогретой за день сосновой смолой и чабрецом. Сосны молчали в безветрии, а неяркие звёзды цеплялись за иголки, словно боясь упасть. И тогда мальчик вспоминал другое небо, которое он рисовал в своём воображении: «Закатится солнце, ляжет тёмный полог ночи, безоблачное небо заискрится миллионами звёзд, и караван, пройдя ещё немного, останавливается на ночёвку. Радуются верблюды, освободившись из-под тяжёлых выюков, и тотчас же улягутся вокруг палатки погонщиков, которые тем временем варят свой неприхотливый ужин. Прошёл ещё час, заснули люди и животные, и кругом опять воцарилась мёртвая тишина пустыни, как будто в ней вовсе нет живого существа...» И вот уже не медведь ворчит на цепи, а шумно вздыхают верблюды, и не сосны стоят вокруг дома – простираются кругом неоглядные равнины Гоби, «отливающие (зимою) желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые изборождённые гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстрого дзерена»¹¹.

Доведётся ли ему когда-нибудь увидеть эту картину самому?

¹¹ Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Первое путешествие в Центральной Азии в 1870–1873 гг.

Фотография

Ваня рос на свободе – ничто не сковывало его любознательность, инициативу и фантазию. Пищу уму давали не только книги – мальчик пытливно вглядывался в мир, кипевший вокруг. Пробираясь на высокие обрывы Оредежа, он подолгу разглядывал красный песок, который начинался ниже серого слоя обычной земли. Рыхлый песок переслаивали плотные пласты, встречались слои глины красного и бурого цвета. Много позже Ваня узнает слово «девон», а пока он чувствует, что рядом скрыта тайна – и делится ею с Колей Яньшиновым, жившим по соседству с усадьбой Ефремовых. Вместе они лазают по обнажениям, собирают кусочки песчаника, пересыпают в руках красный песок. Раздвигают листья рдеста, лежащие на воде, ныряют с открытыми глазами в прохладные глубины, где бьют ледяные струи родников, плавают и возвращаются домой с ощущением открытия.

В 1916 году им предстоит расстаться – они встретятся снова уже после войны, и почти четверть века художник-график Николай Алексеевич Яньшинов будет иллюстрировать почти все статьи и монографии самого Ефремова, а также Ю. А. Орлова, К. К. Флёрова и других специалистов по ископаемым позвоночным.

На память о жизни в Вырице сохранится фотография. На деревянном кресле с резными ручками сидит молодая красивая женщина в тёмном платье, на груди и по подолу отделанном широкими чёрными кружевами, с искусственным цветком на поясе. Волосы её, пышно зачёсанные вверх по моде того времени, собраны в пучок, в ушах блестят серьги, на шее – жемчужное ожерелье. Левой рукой с кольцом на указательном пальце она обнимает мальчика полутора-двух лет, сидящего у неё на руках и одетого в светлое платье с широким бантом у воротника – так обычно одевали мальчиков в те годы в состоятельных семьях. Пухлые щёчки, светлые волосики, растопыренные пальчики маленькой ручки.

Справа стоит девочка в светлом полосатом платье с двумя рядами пуговиц, с кружевным воротником, длинными рукавами и поясом, который спущен чуть ниже талии. Серьёзный взгляд красивых маминых глаз, строгое лицо – Надя понимает важность момента, хотя она старше младшего брата Васи только на два года.

Встав на невидимую зрителю табуретку, обнимает маму за плечи белоголовый мальчик в матросском костюмчике с широким отложным воротником – широко раскрытые глаза Вани смотрят прямо, глаза, полные живости и любознательности.

Лицо матери излучает гордость: это мои дети, посмотрите, как они хороши! Запомните и меня такой – молодой и красивой!

Вольный ветер Бердянска

Горячий сухой ветер пахнул в лицо пряным запахом степных трав.

– Только не ходи в порт!

Ваня слышал, как мама ещё раз повторила эту фразу, и что есть духу помчался по улице туда, где едва покачивались стройные мачты с подобранными парусами.

Они приехали в Бердянск летом 1914 года – и надолго. Брату Васе нужно было лечение, и доктор посоветовал грязи Бердянска. Да и климат здесь здоровый.

Отец снял небольшой дом в нижней части города, помог Варваре Александровне устроиться, нанять прислугу – и уехал. Он не мог надолго оставить свой завод в Вырице, но пообещал вернуться к концу лета, чтобы определить детей учиться.

После отъезда Антипа Харитоновича мать и дети вздохнули свободней. Не нужно было подчиняться строгому распорядку, можно наконец оглядеться и вдохнуть ветер новой земли.

Варвара Александровна начала ходить с Васей на лечение, Надя подружилась с соседскими девочками, а Ваня оказался предоставлен самому себе.

Первым делом он познакомился с портовыми мальчишками – сыновьями рыбаков и матросов, которые приняли Ваню в свою компанию. Они сразу же побежали купаться на маленький каменистый пляж, где вода была тёплой, как парное молоко, и непривычно солёной для Вани.

Затем мальчишки, как хозяева, обежали весь порт, где отдыхали у далеко выдвинутого в море причала корабли, огромными горами лежали мешки и бочки, стояли лошади с телегами, гружёнными тюками и ящиками. От складов к кораблям сновали грузчики. Кричали чайки, хохотали рыбаки, тащившие в корзинах колючую рыбу. Сухой чертополох хрустел на набережной, и уже желтела от жары листва акаций. Со станции изредка доносились резкие паровозные гудки.

Берег изгибался дугой, и справа налево, от Нагорной стороны, прочерчивал бирюзовое море каменный волнолом. Днём, когда море пускало солнечные зайчики, разглядывать волнолом было неудобно, но вечером, на закате, отчётливо была видна стрела, отделяющая бухту от моря, и портовые огни на её концах.

К западу от города в море уходила долгая песчаная коса, на южном конце которой загорался призывный огонь на белой, с оранжевой полосой, восьмигранной башне Нижнебердянского маяка.

Приволье Азовского побережья поразило Ваню. Всю жизнь Иван Антонович будет помнить главное ощущение Азова – свежий, солоноватый привкус моря.

На следующий день мальчишки показали новому другу весь город: завод Гривеза, который выпускал жнейки, канатно-шпагатную фабрику, свечной и множество других заводиков, и – гордость города – электростанцию. Ване было гораздо интереснее на пыльных улицах Матросской слободки, в Лисках или Собачьей балке, где домишки белые, низенькие, с маленькими окошками, где во дворах стирали бельё простоволосые женщины, скребли сухую землю голосистые петухи и поджарые курицы, чем на Азовском проспекте, вдоль которого стояли дома купцов с магазинами и высокими заборами.

С Нагорной стороны город было видно как на ладони. Он ребрился черепичными крышами, белым песком сверкала коса с кружевами заливов, море дрожало расплавленным золотом. На юго-западе лежала сказочная Таврида, там из степи вздымались горы, там, на изрезанном бухтами берегу раскинулся легендарный Севастополь, ещё дальше, за морем, над Золотым Рогом теснился Стамбул, а в Средиземном море вставали из волн скалистые берега Греции. Оттуда, из-за моря, приходили в Бердянск корабли за русской пшеницей.

Сразу за городом начиналась степь, поутру розовая, а днём тонущая в дрожащем мареве. В степи на бахчах спели зелёные арбузы и желтобокие тыквы, а там, где впадала в Азовское море река Берда, в прогретых до дна лиманах ходила стайками серебристая рыба. А какой вкусной была кукуруза, испечённая на костре, посыпанная крупной солью!

Мальчики каждый день околачивались в бухточке, откуда выходили на промысел рыбаки. Рыбаки делились на бережных – тех, что ловили возле берега, и рисковых – надеявшихся на удачу и пытавших счастья на просторе. Бережные и рисковые трунили друг над другом, но и те, и другие были добры к ребятам. Хорошо было вытаскивать на берег лодку и хватать руками живую, бьющуюся рыбу!

Но Ваню неизменно тянуло в порт. Необычайно привлекала его чугунная пушка в городском сквере, стоящая здесь, казалось Ване, с незапамятных времён – с Крымской войны. Тогда англо-французская эскадра почти полностью разрушила город, порт сгорел. Высушенные солнцем бердянские старики ещё помнили этот обстрел и, воскрешая в памяти события молодости, сокрушённо качали головами: беззащитному городу нечем было ответить врагу. Всего несколько пушек... Кто-то из стариков обмолвился, что пушка-то не заклёпана...

Знавшим порт как свои пять пальцев мальчишкам ничего не стоило раздобыть «макароны» – так называли спрессованный трубками порох из разряженных артиллерийский снарядов. Вечером, во время гулянья, прогремел оглушительный выстрел – такой силы, что пушка слетела с пьедестала. Завизжали дамы, забегали полицейские, примчались пожарные. Виновики переполоха с перепугу разбежались по домам.

Через два дня Ваня с гордостью прочитал друзьям газету, где было написано: полиция нашла след злоумышленников, поиски продолжаются.

Пушку водрузили на место, но предварительно заклепали – чтобы впредь неповадно было честной народ пугать¹²...

Однажды Иван нашёл британский патрон и решил изготовить трубку для самодельного окуляра волшебного фонаря – эпидиаскопа. Устроившись на широком подоконнике, аккуратно извлёк из патрона взрыватель, начал резать трубку. Но в патроне оказалось два взрывателя, второй слой пороха в гильзе взорвался, повредив мальчишке руку.

Поднялся переполох, поскольку все решили, что на город внезапно напал враг.

– Я убит! Я убит! – повторял испуганный Ваня. Мама едва успокоила сына.

В августе приехал отец, и мама как-то сразу погрустнела, перестала петь по вечерам. Детям справили гимназическую форму. Ване купили высокие блестящие ботинки, штаны с гетрами и куртку – прекрасную суконную куртку с четырьмя объёмистыми карманами, каждый из которых застёгивался на пуговицу. Ваня особенно гордился этими карманами – в них умещалось множество мальчишеских сокровищ.

Вскоре Надя начала ходить в женскую гимназию, а Ваня – в мужскую.

Отец снова уехал, мама с детьми осталась в Бердянске.

Начались осенние шторма. Порт пустел. Но мечты о дальних странствиях не ушли вместе с кораблями – они вспыхнули ещё ярче.

Ваня стал постоянным читателем Бердянской библиотеки. Перечитал всего Жюль Верна. Затем пришли Уэллс, Рони-старший, Конан Дойл и Джек Лондон. Книжки помогли ему через год спокойно пережить известие о разводе матери с отцом.

Тревожные вести приходили со всех сторон. В Петрограде свергли самодержавие, образовалось Временное правительство, а осенью власть взяли большевики. Установилась власть Советов и в Бердянске. Но не успела окончиться одна война, как началась другая. В восемнадцатом году запылало всё Приазовье и Причерноморье. Фабрики, заводы и порт почти прекратили работу. Кто только не побывал в Бердянске! Большевики, белогвардейцы, австрийцы,

¹² Много лет спустя во время поездки на юг Ефремов нашёл эту пушку и сфотографировался с ней.

германцы... Выстрелы с немецкого корабля, зашедшего в порт несколько месяцев назад, казались сущим пустяком.

В конце 1918 года, после возвращения красных, Варвара Александровна решила перебраться с детьми на правобережье Днепра, в Херсон, к родственнице¹³. Так дешевле будет, да и дети под присмотром останутся, если что...

¹³ По некоторым сведениям, этой родственницей была внебрачная дочь А. Х. Ефремова, сводная сестра Ивана Антоновича.

Аллан Квотермейн в Херсоне

Мать надеялась найти спокойное пристанище, но вихрь Гражданской войны уже закружил семью в своём водовороте.

Иван Антонович вспоминал: «Из гимназии запомнились строки Т.Г. Шевченко:

Було колись на Вкраїні
Ревіли гармати,
Були колись запорожці
Вміли панувати,
Панували, добували
І славу, І волю.

Мы, подростки, чувствовали себя тоже потомками запорожцев. У нас были свои атаманы, нередко устраивались драки. Причём на довольно честных началах – выделялось равное количество кулашников по принципу “Сколько нас – столько вас”.

Впрочем, что наши драки по сравнению с тем, что нам, подросткам, пришлось увидеть и пережить. В городе происходила бесконечная смена властей. Врывалась какая-нибудь банда, стреляя в окна для забавы. На несколько дней в городе появлялся образный по своей форме приказ с угрозой натянуть на барабан шкуру своего противника...

Пришедшие в Херсон греческие и французские оккупанты оставили после себя трупы расстрелянных и повешенных на фонарных столбах. На всю жизнь запомнился горелый запах от заживо сожжённых оккупантами заложников в амбарах. <...>

В доме, где я жил, поселился матрос-чекист. Была у него такая примечательная фамилия – Поднебесный. Ну, конечно, и я приобщался к военным занятиям. Вооружился я до зубов. Однажды изъяли у меня винтовку, несколько пистолетов, гранаты. Но всё-таки один пистолет и пару гранат оставили. Это тринадцатилетнему¹⁴ мальчишке...

Жил в Херсоне в то время ярый естестволюбец, учитель Теверацкий. Я благодарен судьбе, что она свела меня с этим интересным, влюблённым в природу человеком. Он много сделал для Херсонского краеведческого музея, для оснащения его сравнительно богатых экспозиций. Он готов был пожертвовать жизнью для защиты своих спиртовых препаратов от поклонников зелёного змия. Время-то было неровно. Мы засиживались с ним до поздней ночи, топили печку губернскими архивами и коротали время в разговорах. Больше говорили о будущем, о книгах. <...>

Я по-прежнему был близок с рыбаками. На белиндах¹⁵ они выезжали в лиман и дальше в сторону Одессы, ловили скатов. Эта рыба шла на рыбий жир. Он очень нужен был для детей в то тяжёлое время»¹⁶.

Мама в это время как бы отделилась от детей, жила особой, не знакомой раньше жизнью. Она вдруг ощутила необычайную жажду жизни, словно сердце стучало сильнее. Стройную молодую женщину заметил один из краскомов – красных командиров, и Варвара Александровна вдруг почувствовала, что крепко любит этого храброго человека в кожанке. На острие истории молодые спешили жить. И свадьба не заставила себя ждать.

А по России уже звучал клич: «Все на борьбу с Деникиным!»

¹⁴ И. А. Ефремов, будучи подростком, прибавил себе год и стал указывать не 1908-й, а 1907 год рождения.

¹⁵ «Белинда» – искажённое название немецкого дизеля «Болиндер», так в Херсоне называли шаланды с дизельными моторами этой фирмы.

¹⁶ Супруненко П. П. Куда зовёт мечта. Беседа с писателем И. А. Ефремовым. Авторизованная машинопись, 1968. Из архива И. А. Ефремова.

Натиск деникинцев был стремительным. Поддержанные казачеством, они быстро дошли до Орла и подступили к Туле – а оттуда и до Москвы рукой подать.

Белые приближались и к Херсону. Впереди них летела весть об их зверствах и расправах. Многие из тех, кому Советская власть была костью в горле, потирали руки, ожидая возвращения своих владений и наказания ненавистных большевиков.

Сил Красной армии для защиты Херсона не хватало, пришлось отступать. Стало ясно, что Варваре Александровне в городе оставаться нельзя.

Поцеловать детей, перекрестить их на прощанье, умолить тётку присматривать за ними – и вслед за мужем...

В городе, казалось, уже привычном к сменам власти, было страшно. С левобережья Днепра, со стороны Голой Пристани, где закрепились белые, непрерывно били орудия англо-французской эскадры – на рейде стояли миноносцы. Деникинские войска под командованием генерала Шиллинга на бронекатерах форсировали Днепр. Жестокий бой шёл за железнодорожный вокзал. Трещали пулемёты, щёлкали винтовочные выстрелы. Но очередь за хлебом, который выдавали по карточкам, продолжала стоять. Стоял в очереди и Ваня. Вернее, сидел, забравшись на пожарную лестницу и по-детски полагая, что угол дома является надёжнейшим прикрытием от снарядов.

Ваня, казалось, забыл обо всём на свете – о голоде, о снарядах, падающих на городские кварталы, о том, что уехала мама... Главным человеком для мальчика стал Аллан Квотермейн – невысокий, худощавый, мудрый охотник на слонов. Переехав в Херсон, Ваня привычно разыскал городскую библиотеку и стал наведываться туда каждый день. Однажды ему попались книги Хаггарда, и он уже не мог с ними расстаться. «Люди тумана», «Сердце мира», «Копи царя Соломона»...

Сидя на пожарной лестнице, полностью поглощённый удивительными приключениями трёх англичан и одного туземца-кукуана, Ваня читал не отрываясь, пока шальной снаряд не попал в ожидающую хлеба очередь. Взрывной волной Ваню сбросило вниз, контузило и засыпало песком. С этого дня мальчик начал слегка заикаться.

Всю свою жизнь Иван Антонович будет называть Генри Райдера Хаггарда любимым писателем и своего единственного сына назовёт Алланом.

Книги, которые мы любим в детстве, оказывают на нас на первый взгляд незаметное, но неизбежно мощное воздействие. Как губки, мы впитываем качества и даже привычки любимых героев.

С необычайной отчётливостью вставали перед Ваней герои «Копей царя Соломона».

Вот сэр Генри – высокий, могучий красавец, англичанин, в жилах которого течёт датская кровь, «настоящий мужчина», по мнению его слуги Амбопы; человек чести, готовый к смертельному единоборству и к нежной братской любви. В поисках своего брата он решается на труднейшее путешествие в глубь Африки, говоря своим спутникам: «Но на свете нет такого пути, которого человек не смог бы пройти, если для этого он отдаст все свои силы. Если человека ведёт любовь, то нет ничего на свете, Амбопа, чего бы он не преодолел. Нет для него таких гор, которых бы он не перешёл, нет таких пустынь, которых бы он не пересёк, кроме гор и пустынь, которых никому не дано знать при жизни. Ради этой любви он не считается ни с чем, даже со своей собственной жизнью, которой готов пожертвовать, если на то будет воля providения».

В рассказах, повестях и романах Ефремова герои тоже способны на невероятное напряжение всех сил ради любви.

Вот капитан Гуд – храбрец и щёголь, гордый своей принадлежностью к морскому флоту и способный отчаянно ругаться. Этот его талант оказался востребованным в самой необычной обстановке – когда белые люди пообещали племени кукуанов, что они погасят Луну (ожидалось затмение), необходимо было произнести страшные заклинания: «Я никогда не предпола-

гал, как виртуозно может ругаться морской офицер и сколь необъятны его способности в этой области. В течение десяти минут он ругался без передышки, причём почти ни разу не повторился».

Спустя десятилетия Иван Антонович говорил друзьям, что может ругаться пять минут без перерыва.

Капитан Гуд был всегда опрятен, аккуратно и хорошо одет. Посмотрите кадры фильма о палеонтологической экспедиции в Монголии: когда вы увидите, как выглядит Иван Антонович на совещании в Монгольской Академии наук, у вас отпадут всякие сомнения в его сходстве с капитаном Гудом.

Именно характеристика капитана Гуда, данная ему Алланом Квотермейном, через несколько лет заставит Ивана всерьёз выбирать между морем и наукой: «Несколько раньше я задал вопрос: что такое джентльмен? Теперь я на него отвечаю: это офицер Британского Королевского флота, хотя, конечно, и среди них иногда встречаются исключения. Я думаю, что широкие морские просторы и свежие ветры, несущие дыхание Господа Бога, омывают их сердца и выдувают скверну из сознания, делая их настоящими людьми».

Амбопа, слуга-зулус, предложивший белым людям сопровождать их в далёкое опасное путешествие без платы, оказывается сыном короля кукуанов, на земле которых находятся копи царя Соломона. Отца Амбопы предательски убили, когда он был маленьким, мать бежала и вырастила сына как настоящего короля. Он обращается к белым без самоуничижения, как было принято в Южной Африке в те времена, а как к равным себе и ведёт себя с редким чувством собственного достоинства. Когда он нанимался слугой к англичанам, сэра Генри попросил его встать: «Сбросив с себя длинный военный плащ, зулус выпрямился во весь свой исполинский рост и предстал перед нами совершенно обнажённым, если не считать мучи¹⁷ и ожерелья из львиных когтей. Он был великолепен. Я никогда в жизни не видел такого красивого туземца. Роста он был шести футов и трёх дюймов, широкоплечий и удивительно пропорционально сложенный. При вечернем освещении кожа его была чуть темнее обычной смуглой, только многочисленные следы от нанесенных ассегаями¹⁸ ран выделялись на его теле тёмными пятнами. Сэр Генри подошел к нему и пристально посмотрел на его гордое, красивое лицо.

– Какая прекрасная пара! – сказал Гуд, наклоняясь ко мне. – Посмотрите, они совсем одинакового роста».

Один из героев повести Ефремова «На краю Ойкумены» – негр Кидого «происходил из очень далёких мест Африки, на юго-запад от Айгюптоса»: «Пандион привык к тому, что негры хорошо сложены, но этот гигант сразу привлёк внимание скульптора своим пропорциональным и красивым телом. Впечатление необычайной мощи от крупных, будто кованных из железа мускулов как-то сочеталось с лёгкостью и гибкостью высокой фигуры Кидого. Огромные глаза под выпуклым высоким лбом были полны внимания и поражали своей живостью».

Путешественники полюбили Амбопу: «Ему была свойственна удивительная способность поддерживать в людях бодрость, причём он сам никогда не терял чувства собственного достоинства».

Именно эту способность поддерживать в людях бодрость отмечали в Иване Антоновиче все участники экспедиций, которыми он руководил.

Амбопа считает, что не только отвага и сила, но и способность сказать «великие, возвышенные слова» присуща настоящему мужчине. Сам он так обращается к сэру Генри: «Слушай! Что такое жизнь? Это лёгкое перышко, это семя травинки, которое ветер носит во все стороны. Иногда оно размножается и тут же умирает, иногда улетает в небеса. Но если семя здоровое,

¹⁷ *Мучи* – набедренная повязка.

¹⁸ *Асsegай* – зулусское метательное копьё с широким наконечником.

оно случайно может немного задержаться на пути, который ему предначертан. Хорошо, борясь с ветром, пройти такой путь и задержаться на нём».

И, наконец, главный герой «Копей царя Соломона», от имени которого ведётся повествование – охотник на слонов Аллан Квотермейн, англичанин, большую часть жизни проживший в Южной Африке, знаток людей и охотничьих троп, мудрец, которому зулусы дали имя Макумазан – тот, кто встаёт до рассвета, тот, кто всегда начеку. Он может дотошно подсчитывать съестные припасы и патроны, а может и показать свою доблесть в бою. Он осторожен и предусмотрителен, прозорлив и великодушен.

Над телами погибших за своего короля воинов он горестно и торжественно размышляет: «Однако, пока существует мир, человек не умирает. Правда, имя его забывается, но ветер, которым он дышал, продолжает шевелить верхушки сосен в горах, эхо слов, которые он произносил, ещё звучит в пространстве, мысли, рожденные его мозгом, делаются сегодня нашим достоянием. Его страсти вызвали нас к жизни, его радости и печали близки и нам, а конец, от которого он пытался в ужасе бежать, ждёт также каждого из нас. Вселенная действительно полна призраков – не кладбищенских привидений в погребальных саванах, а неугасимых, бессмертных частиц жизни, которые, однажды возникнув, никогда не умирают, хотя они незаметно сливаются одна с другой и изменяются, изменяются вечно».

Что это, как не идея ноосферы?

Глубокий след в памяти Ефремова оставила главная идея романа, на которую, как на стержень, накручивается приключение: в глубокой древности в Южной Африке побывали народы Средиземноморья – египтяне или финикийцы.

Это художественное допущение отзовётся в творчестве Ефремова повестью «Путешествие Баурджеда» (дилогия «На краю Ойкумены»).

Герои «Копей царя Соломона» ищут алмазы – мысль об алмазах будет необычайно увлекать Ефремова. В романе «Лезвие бритвы» друзья-итальянцы тоже будут искать эти сверкающие камни на берегу Южной Африки, а в рассказе «Алмазная труба» писатель предскажет открытие алмазов в Якутии.

В романе Хаггарда древние народы оставили алмазные копи, широкую дорогу, вдоль которой в скалах вырезаны барельефы типа египетских, три величественные статуи на пьедесталах из тёмной скалы – колоссальные фигуры двух мужчин и одной женщины.

«Одна из них, изображавшая обнажённую женщину, отличалась исключительной, хотя и строгой красотой. К сожалению, черты её лица сильно пострадали от времени, так как в течение многих веков они подвергались влиянию погоды. По обе стороны её головы подымались рога полумесяца. Две мужские фигуры были, в противоположность ей, изображены задрапированными в мантии. Лица их были ужасны, в особенности у сидевшего справа. У него было лицо дьявола. Лицо сидевшего слева было безмятежно-спокойно, но спокойствие это вселяло ужас. Оно выражало бесчеловечную жестокость, ту жестокость, которой, по словам сэра Генри, в древности фантазия человека наделяла могущественные существа, может быть способные совершать и добрые дела, но тем не менее созерцающие страдания человечества если не с наслаждением, то и без всяких терзаний. Три фигуры, одиноко сидящие в вышине и веками созерцающие расстилающуюся внизу долину, действительно вселяли благоговейный ужас. Мы смотрели на Молчаливых, как их называли кукуаны, и нами овладело огромное желание узнать, чьи руки высекли из камня этих колоссов, проложили дорогу и вырыли огромную копь. Когда я в изумлении смотрел на них, мне внезапно припомнилось (так как я хорошо знал Ветхий завет), что Соломон отрёкся от своей веры и стал поклоняться иноземным богам. Имена трёх из этих богов я также вспомнил: Ашторет – богиня Сидонян, Чемош – бог Моабитов и Мильком – бог детей Аммона. Я высказал своим спутникам предположение, что три фигуры, сидящие перед нами в вышине, возможно, изображают именно эти три ложных божества.

– Может быть, в этом и есть доля истины, – задумчиво сказал сэр Генри. Он был очень образованный человек и, когда ещё учился в колледже, достиг больших успехов в изучении классиков. – Ведь древнееврейская Ашторет, – продолжал он, – называлась Астартой у финикийцев, которые вели крупнейшую торговлю во времена Соломона. Астарту же, которую греки впоследствии называли Афродитой, изображали с рогами, напоминающими полумесяц, а на голове женской фигуры отчетливо видны рога полумесяца. Возможно, что эти колоссы были созданы по воле какого-нибудь финикийского должностного лица, управлявшего копиями. Кто знает!»

Читатель, которому знаком роман «Таис Афинская», сразу увидит родство этих абзацев со страницами последнего произведения Ефремова.

На всю жизнь в душе Ивана Антоновича осталась мечта об Африке – загадочном и прекрасном континенте. Африка появится в его рассказах «Голец Подлунный» и «Афанеор – дочь Ахархеллена», в дилогии «На краю Ойкумены», в романах «Лезвие бритвы» и «Таис Афинская». Он будет собирать книги об Африке и переписываться с людьми, любящими этот континент. Прекрасная женщина, которая будет дружить со львами, попытается помочь больному сердцу писателя, продлить ему жизнь...

Вихри гражданской войны

Шёл 1919 год. 13 августа деникинцы заняли Херсон. Тюрьмы переполнились, начались обыски, аресты и казни. В первый же день расстреляли 18 человек. Среди них был молодой типографский рабочий Леонид Хаенко – он печатал большевистские прокламации. Затем схватили и повесили Георгия Полякова – член подпольного ревкома разместил в своём доме подпольную типографию и готовил восстание против деникинцев. Шашками изрубили белые юного подпольщика-студента Фёдора Солоняря.

Город был подавлен, глухо роптал. На Херсонщине действовали партизаны.

Осенью стали доходить слухи о боях на Дону, о наступлении Красной Армии. С холодами в Херсоне появились беженцы, а вместе с ними – страх, вши и тиф.

Родственница, на попечение которой оставались дети Варвары Александровны, заразилась тифом и вскоре умерла в больнице. Двенадцатилетняя Надя и братики-погодки Ваня и Вася остались одни в чужом городе, занятом деникинцами, не зная, где мама и жива ли она, не имея возможности связаться с отцом.

Голодной и холодной была зима 1920 года. Детям ничего не оставалось, как начать продавать вещи. Они долго совещались, что можно снести на рынок, что нельзя, а потом надо было суметь продать вещь так, чтобы за неё дали хотя бы половину настоящей цены, а затем купить продукты так, чтобы не обманули хитрые торговцы. А чтобы еду приготовить, дрова нужны... Верно, и вовсе бы пропали ребята, если бы в феврале в город не вернулись красные.

На этот раз Советская власть установилась всерьёз и надолго.

Ребята не знали, что вскоре в Херсон приехал народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский. Он хорошо понимал, что сейчас одна из самых важных задач всего юга – ликвидация детской беспризорности. Нужно было искать педагогов, открывать школы, определять беспризорников в колонии, которые приходилось создавать на пустом месте, а тех, кто живёт у себя дома, но лишился родителей, спасти от голода, который часто толкал детей на воровство.

В дом к Ефремовым неожиданно пришли «дяди из наробраза» – записали детей в тетрадку, откуда родом и кто родители, и стали снабжать талонами в столовку. Кулеш, сушёная рыба, кипяток с леденцом – неплохая еда! Жить можно.

Пришла весна, затем лето. Жизнь в городе понемногу налаживалась. Но тут пришла новая беда: разбитых деникинцев сменил барон Врангель. Против него выступила Первая Конная Армия.

Городские мальчишки распевали:

Будённый – наш братишка,
С нами весь народ.
Приказ: «Голов не вешать
И глядеть вперед!»

21 сентября был создан Южный фронт под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, в Херсоне разместились 6-я армия красных. В соседнем доме появились бойцы – но не простые. Главным их оружием были не винтовка, не пистолет и даже не пулемёт. Их инструменты – гаечные ключи, главное оружие – баранка и педали. Во дворе стояли фырчащие авто.

Отложив приключения в дебрях Африки, Ваня стал пропадать на автобазе. Машины здесь были самые разные, многие с цепной передачей. Они часто ломались, и требовалось быстро понять причину и суметь изготовить нужную деталь – запчастей практически не было. Ваня всегда был готов подать нужный инструмент, подержать что-нибудь или привинтить.

Однажды на автобазу зашёл сам командарм, Константин Алексеевич Авксентьевский. Увидев мальчика, строго взглянул на него. Представим себе, как это могло быть.

– А ты что здесь крутишься? – строго спросил командарм.

– Помогаю, – смело ответил Ваня.

Командарм с улыбкой кивнул на разобранный мотор:

– Неужто смыслишь в технике?

– А то! – гордо ответил Ваня.

– Мальчишка смыслённый, – вступился за Ваню механик, старый питерский рабочий, который мог сделать из железа всё, что угодно. – Всё дни у нас старается. Одни они втроём живут. Почитай, что при живых родителях сиротами остались. Может, его к нам на довольствие поставить?

Командарм зорко оглядел мальчика.

– Как тебя зовут?

– Ваня.

– Разве так положено отвечать командарму? Так как тебя зовут?

– Иван Ефремов, – вытянувшись, звонко произнёс мальчишка.

Командарм обернулся к начальнику автобазы:

– Приказываю зачислить Ивана Ефремова во вторую роту, выдать обмундирование и поставить на довольствие.

Главными покровителями подростка стали механик автороты Сергей Баячко и Гавриил Прожога, водитель «Даймлера», в кабине которого и обосновался Ваня.

14 октября 6-я армия остановила наступление Врангеля на правом берегу Днепра, а 28 октября в наступление перешёл весь Южный фронт. Вместе со второй ротой автобазы 6-й армии из Херсона выступил и красноармеец Иван Ефремов. Бойцы пели:

Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее...

С этой песней красноармейцы подошли к Перекопу.

Белая армия, разбитая в степях, готовилась к обороне по Турецкому валу высотой в 10 метров, с тремя линиями проволочных заграждений. Мощные укрепления были возведены у Чонгарских переправ. Белые защищали последний оплот барона Врангеля – Крым. Главный удар командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе решил нанести именно на Перекопском направлении. В ударный кулак входила и 6-й армия.

Жесток и страшен был штурм перекопских укреплений. Невозможным казалось форсировать Сиваш.

Иван видел, с каким героическим напряжением работали водители, подвозя снаряды и эвакуируя раненых, как слаженно работали механики, приводя в порядок пострадавшие машины. Он знал, что укрепления, которые невозможно было прорвать, взяты, что враг бежит от Красной Армии по крымским степям.

17 ноября Крым был полностью освобождён.

До весны бойцы 6-й армии вели относительно спокойную жизнь: охраняли Черноморское побережье и гонялись за бандами по Херсонской и Одесской губерниям. Красноармейцы были веселы: война окончена, скоро по домам – налаживать мирную жизнь. Ивана в автороте любили, научили его разбираться в автомобиле и водить машину. Подросток порой не доставал до педалей, но понимал – он сейчас отвечает за себя сам, и ни разу не потерял управления.

13 мая 1921 года произошло долгожданное событие – 6-я армия была расформирована, бойцы уволены в запас.

Не мальчик, а высокий тринадцатилетний подросток в военной форме, с тощим заплечным мешком за плечами, добрался до Херсона. От соседей он узнал, что сестру и брата забрал в Петроград отец.

Железные дороги были разбиты Гражданской войной, поезда часто останавливались – не хватало топлива. Много дней Иван провёл в «телячьем» вагоне. Было голодно и весело, пассажиры – в основном демобилизованные солдаты и матросы – шутили, пели песни. На станциях бегали за кипятком, дружно делили скудные запасы. Жизнь виделась просторной светлой дорогой, на которой просто не может быть непреодолимых препятствий.

Глава вторая. Отрочество (1921–1924)

Оглядываясь на прожитую жизнь, я удивляюсь, как много я успел сделать и как много мне пришлось пережить. Наверно, и жизнь мне кажется такой длинной оттого, что слишком рано я был предоставлен самому себе. В том возрасте, когда мальчики ещё учатся в школе, я уже вынужден был работать...

Г. Р. Хаггард. Копи царя Соломона

Возвращение в Петроград

С Троицкой – налево, в Щербаков переулок, затем ещё раз налево – на набережную Фонтанки. Вот оно, знакомое здание училища, теперь – 23-я единая трудовая школа¹⁹. Массивное трёхэтажное здание с высокими окнами отодвинуто в глубь двора, по бокам – двухэтажные флигели, присоединённые к главному зданию светлыми переходами. Давно, ещё до Бердянска, Ваня проходил здесь вместе с отцом, который тогда с гордостью сказал:

– Вот, Иван, подрастёшь – в лучшем заведении учиться будешь!

И действительно, Петровское коммерческое училище, основанное на деньги купеческого сословия в 1880 году, недаром получило золотую медаль на Всемирной выставке в Париже. Купцы и промышленники последней трети XIX века, часто малообразованные, энергией и неукротимостью выбившиеся в люди, не жалели денег на образование своих детей. Здесь всё было лучшим: лучшие учителя, великолепно оборудованные кабинеты географии, истории, естествознания и рисования, лаборатории химии и физики. В поместительных шкафах, где нижние дверцы были деревянными, а верхние стеклянными, хранились чучела птиц, препараты в колбах, образцы минералов, наглядные пособия. Особенным богатством отличалась физическая лаборатория.

До революции в училище готовили купцов-приказчиков, банковских и конторских служащих. Сейчас сюда ходили дети со всей округи. От квартиры Ефремовых на Троицкой улице до школы – минут семь, не больше.

Высокая тяжёлая дверь, широкая лестница с гладкими деревянными перилами на чугунном узорчатом ограждении. Учебный год ещё не начался, в школе пусто и тихо. Иван оглядывается – со стула в углу поднимается старый швейцар, помнивший ещё открытие Петровского училища, без удивления оглядывает высокого тринадцатилетнего подростка в гимнастёрке, украшенной обильными, неумело пришитыми заплатками:

– Чего изволите?

– Записаться хочу.

– Сюда, пожалуйста.

Дверь налево вела к директору. Он и несколько педагогов жили в квартирах при школе.

– В Бердянке и Херсоне учились, стало быть... Три класса гимназии окончили. А потом воевали. Запишем вас в школу 2-й ступени²⁰, в шестой класс. Вы, вероятно, многое забыли... Ну что ж, догонять придётся!

– Догоню! – весело отозвался Иван.

¹⁹ Номер был присвоен школе в 1919 году. Ныне это общеобразовательная школа 206 (этот номер был присвоен в 1940 году).

²⁰ Школой 2-й ступени в 1918-1934 годах в Советской России и затем в СССР называлась средняя общеобразовательная школа в составе шестых-девярых (с 1923 года – пятых-девярых) классов.

Возбуждённый, выбежал он на Фонтанку и быстрым шагом направился в сторону Невского проспекта. Постепенно мысли его упорядочивались: учиться-то он будет, это бесспорно, но ведь надо что-то есть. Не зря у него сначала мелькала мысль, что учёбу вообще придётся бросить. Отец постоянно помочь не сможет: он сейчас служит на своей бывшей лесопилке в Вырице простым работником при конторе. Стало быть, надо искать заработок.

Иван знал, что при университетах и институтах созданы рабфаки – рабочие факультеты, где студентам платят стипендию, но чтобы там учиться, надо было иметь рабочий стаж. Стажа у Ивана не было, да и возраст ещё не подходил. Придётся как-то исхитриться. Обратиться за помощью к отцу казалось просто невозможным, надо было обеспечивать себя самому.

Петроград был совсем не тем городом, который запомнил, прощаясь шесть лет назад, маленький Ваня. Тогда приезжих ошеломяли шум и суета. По мощёным булыжником улицам громыхали ломовые телеги, проносились извозчичьи пролётки, проезжали грузовики и легковые автомобили, звенели и грохотали трамваи. Казалось, что даже громады домов раскачиваются в такт напряжённому жизненному ритму.

В голодающем, малонаселённом Петрограде двадцать первого, пережившем войну и блокаду империалистов, было тихо. В домах – много свободных квартир: их обитатели покинули страну или уехали в деревни, туда, где легче было добыть пропитание.

Заводы стояли, тихо было и в порту. На бирже труда каждый день выстраивалась огромная очередь – люди надеялись получить хоть какую-то работу.

Но на Сенной было по-прежнему оживлённо: именно сюда сходил народ в поисках заработка, здесь и торговали чем придётся. В толпе сновали беспризорники. Здесь Иван узнал, что подзаработать можно на разгрузке вагонов.

Школа и работа

По Загородному проспекту, мимо Пяти углов, мимо знакомого с раннего детства Витебского вокзала – туда, где несколько узких улочек подряд носят названия малых городов самого сердца России. Там, за Рузской, Можайской, Верейской и Подольской – улица Серпуховская. Каждый раз, приезжая в Ленинград, известный учёный и писатель Ефремов приезжал в Серпуховскую и стоял, склонив голову, у одного из тесно поставленных домов с дворами-колодцами. Сюда, к Василию Александровичу, мудрому наставнику, прибегал он по вечерам, принося исписанные задачами тетрадки, здесь его всегда ждала поддержка старшего мудрого друга.

Когда в школе начались занятия, Иван узнал, что теперь уроки проводятся не так, как в старых гимназиях. Если строится новый мир, то и учиться дети должны по-новому. Не существовало стабильных программ. Педагогика находилась в поиске новых форм обучения, одни методы вводились, другие отменялись. Распространение получил бригадный принцип обучения: на уроке класс делился на несколько бригад по пять человек, они готовили заданную тему так, чтобы мог ответить любой из бригады. Учитель спрашивал одного, а оценка ставилась всем ученикам.

Часто устраивались диспуты: обсуждали законы диалектики, спорили о том, каким должен быть человек нового мира, каково будет устройство коммунистического общества.

Проверяли знания детей по тестам, которые приходили из отдела народного образования, причём время ответов было строго ограничено. Были и обычные уроки.

Иван чувствовал, что ни тесты, ни бригадная система не дают возможности углубиться в предмет. Он привык беречь каждую минуту, чтобы успеть и учебник почитать, и денег на жизнь заработать, и поспать. Горько было ощущать, как драгоценные часы и минуты уходят в ненужных спорах с одноклассниками, в попытках объяснить тему товарищам, которых ни математика, ни русский язык особенно не интересовали.

Все ребята в школе имели прозвища, это было в порядке вещей. Царь Иван Пёстрый – так ребята окрестили Ивана Ефремова за многочисленные заплаты на одежде. Вот на этого «царя» и обратил внимание старый учитель математики Василий Александрович Давыдов – и решительно вмешался в его судьбу. Он предложил подростку смелый эксперимент – учиться экстерном, окончить два класса за один год.

Чтобы справиться, требовалась полная самоотдача – ведь приходилось ещё зарабатывать на жизнь. Тогда, возможно, впервые Иван узнал, что такое длительное – в течение многих месяцев – напряжение всех сил. Это был тот опыт, который могучим толчком вывел его на более высокую орбиту, помог осознать, что граница его сил ему ещё неведома. Казалось, что он уже на пределе, что нет никакой возможности справляться одновременно с синтаксисом, алгеброй и немецким языком, с бесконечными дровами и необходимым самообслуживанием, но наступал миг высшего напряжения – и после него то, что казалось раньше немыслимым, превращалось в привычное. Василий Александрович всегда был рядом, ироничной, но доброй улыбкой снимал многие сомнения, делился собственным жизненным опытом.

Большую радость доставляло Ивану общение и с другими учителями – талантливыми, пытливыми, влюблёнными в своё дело.

Природоведение вёл Виктор Михайлович Усков, автор многих учебников, известный популяризатор науки. Могучий и весёлый грузин Давид Николаевич Чубинов (Чубиношвили) организовал при школе зоологический сад в миниатюре – живой уголок природы.

Виктор Феликсович Трояновский блестяще преподавал физику. Молодой учёный Александр Игнатьевич Андреев²¹, знаток петровской эпохи и истории Сибири, вёл курс истории.

²¹ А. И. Андреев впоследствии стал членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В голодном и холодном Петрограде тринадцатилетний подросток все свои силы отдавал учению. Но мечты о далёких прекрасных странах не оставляли его. Порой он забирался в громадную пальмовую оранжерею Ботанического сада, сидя на чугунной скамейке, вдыхал влажный тёплый воздух, грезил о тропиках. Тогда же он начал писать – ни много ни мало – книгу про Атлантиду. Он не любил вспоминать о своих первых литературных опытах. Однако спустя десятилетия Атлантида вернётся к Ефремову...

Величественные пальмы оранжереи навевали ему мысли о громадных существах, бродивших по Земле в незапамятные времена. В Публичной библиотеке Иван нашёл диапозитивы с изображением этих чудовищ и решил показать в школе – устроить для всех урок палеонтологии.

В классе с Иваном училась Оля Садовская – милая девочка, которую он называл Олюшкой. Иван увлёк идеей палеонтологического урока её брата Мишу, двумя годами старше. Договорились, что Миша будет показывать диапозитивы, а Ваня – рассказывать. В его сознании сразу всплыли образы, волновавшие его в детстве: таинственные пещеры, учёный в крылатке, спуск в жерло вулкана... На необычный урок собралась почти вся школа, устроителям бурно аплодировали.

1970 год. «Узкое» – санаторий Академии наук. Уютная столовая. Иван Антонович с женой только сели за стол, как к ним, раскрыв руки в радостном приветствии, подошёл незнакомый мужчина:

– Здравствуй, Ваня! Сколько же лет мы с тобой не виделись!

– Миша? Неужто ты?

Так спустя 46 лет Ефремов встретил своего школьного товарища – Михаила Александровича Садовского, академика, директора Института физики Земли.

В очерке «Путь в науку» Иван Антонович рассказал, как ему приходилось работать в школьные годы:

«Я начал с разгрузки дров из вагонов на товарных станциях Петрограда. В одиночку удобнее всего выгружать “швырок” – короткие поленья по пол-аршина в длину. “Шестёрку” (110 см) один далеко не отбросишь, завалишь колёса вагона, и придётся перебрасывать её дважды. За разгрузку вагона в 16–20 тонн швырковых дров платили три рубля. Если втянуться в работу, то за вечер можно было заработать шесть рублей – примерно треть месячной студенческой стипендии. Но после такой работы домой приходил далеко за полночь, в беспокойном сне виделись бесконечные дрова, а на следующий день я почти ни на что не годился. Кроме того, такая работа требовала усиленного питания, потому что надо было жить и питаться не как студенту, а как грузчику, расходуя гораздо больше денег, чем зарабатывал.

Когда я сообразил, что не могу учиться в таких условиях, то перешёл на выгрузку дров с баржей. Отапливающийся дровами Петроград снабжался ими не только по железной дороге, но и по реке. Деревянные баржи подходили прямо к домам по многочисленным протокам-речкам, пронизывавшим весь город. Снимали решётку набережной, прокладывали доски, и дрова катали прямо на тачках во дворы. Тут можно было заработать в день рубля четыре и не уставать так сильно, как на выгрузке дров в одиночку. Катала дрова артель, поэтому работа шла с роздыхом и при ловком обращении с тачкой не была слишком тяжела.

И всё же при том напряжении, какого требовало учение за два класса сразу, так работать можно было только летом, и то эпизодически. Когда я стал регулярно засыпать над задачками и видеть во сне белые булки, которые никак не удавалось съесть, я понял, что снова надо менять род работы.

И тут я нашёл товарища. Вдвоём мы стали ходить по дворам, пилить, колоть и укладывать дрова в обширные ленинградские подвалы, использовавшиеся как сараи. На этой работе можно было в любое время сделать перерыв и даже кое-что соображать по прочитанному из учебников, когда работа не требовала особого внимания. Так я прожил бы кустарём-дровя-

ником, если бы не подвернулась вакансия шофёра в одном из артельных гаражей. Затем произошло повышение в должности до шофёра грузового автомобиля системы “Уайт” с цепной передачей, модели 1916 года²².

С таким трудом найденную работу пришлось, однако, тут же оставить, чтобы сдать выпускные экзамены»²³.

Работа эта на пивзаводе «Красная Бавария» была весьма престижной: должность шофёра (именно так писал это слово Ефремов в своих письмах) хорошо оплачивалась. Выдавалась даже форма. Иван Антонович долго хранил форменную фуражку, в которой сфотографировался в 1923 году.

Зимой 1924 года, через два с половиной года после зачисления в школу, на общем собрании учеников Иван Ефремов получил удостоверение об окончании полного курса первой и второй ступени и прошёл следующие предметы: литература, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, естествознание, физика, химия, география, обществознание, политграмота...

Высокий двусветный зал в стиле классицизма, огромные люстры, ровные ряды стульев. Бывшие одноклассники и учителя радостно поздравляют Ивана. А у него в сладкой тревоге бьётся сердце: его ждёт дальняя дорога, такая дальняя, которую из его знакомых преодолел только один человек – Дмитрий Афанасьевич Лухманов.

²² Машина американской компании «White Motor Corp», один из самых распространенных грузовиков в России 1920-х годов.

²³ Ефремов И. А. Путь в науку // Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. С. 268–269.

На подступах к палеонтологии

«На роду написано», «судьба распорядилась»...

Октябрьская революция отменила эти расхожие выражения.

Ну что было бы написано на роду у Ивана Ефремова? Учиться в коммерческом училище, наследовать отцовскую лесопилку, стать купцом или промышленником.

А сейчас Иван, как Иван-царевич, стоит на распутье и понимает: только он сам будет выбирать дорогу. Точнее, не выбирать готовую, а прокладывать свой собственный путь. Чтобы определить направление, нужно ясно видеть цель. Какова же цель?

Подростки в тринадцать-четырнадцать лет глубоко в душе ощущают своё предназначение. Но часто «белый шум» поверхностной социальной адаптации мешает осознать это. Под влиянием повседневности, чужих мнений и ложных советов мы теряем ощущение подлинности, забываем то знание, которое было нам дано в зерне нашего духа. И счастье тому, кто не дал заглушить внутренний голос, вовремя прислушался и распознал верные сигналы, идущие из тонких миров.

Вот кончилась Гражданская война, мирная жизнь налаживается, и у Ивана всё устроилось: он сам себе зарабатывает на жизнь, учится в школе – ради чего? Что впереди? К чему стремиться?

И всплыла из глубины полузабытая детская мечта о необыкновенных животных, населявших древнюю Землю, о дальних дорогах, тяжёлых поисках и прекрасном счастье первооткрывателя.

И другая мечта бредила душу, мечта, взлелеянная на азовских волнах – стать бесстрашным моряком, покорителем океанских просторов, лихим морским бродягой с трубкой в сурово сжатых губах.

Каждый из нас по-своему прокладывает путь. Кто-то выжидает удобного случая, ищет обходные тропы... Иван видел цель и шёл к ней прямо, кратчайшим из возможных в тот момент путём.

Две прочитанные книги – «Вымершие животные» Эдвина Рея Ланкестера и «Превращения животного мира» Шарля Депере – расширили представление Ефремова о палеонтологии. Книга Ланкестера была прекрасно иллюстрирована изображениями скелетов и реконструкций древних животных, в ней же рассказывалось о раскопках профессора В. П. Амалицкого на севере России. Депере рассматривал основные теоретические положения палеонтологии, писал об изменчивости видов в пространстве и времени, о причинах вымирания и появления новых форм. Читать Депере было сложнее, чем Ланкестера – требовалась широкая биологическая подготовка.

В 1922 году Ефремов написал робкое письмо профессору Горного института Николаю Николаевичу Яковлеву, председателю Русского палеонтологического общества. Просил принять, выслушать и помочь советом. Иван тогда ещё не знал, что Яковлев считался среди студентов сухарём. Он был крайне неразговорчив и даже экзамены у студентов принимал молча. Подавал студенту камень – и тот должен был рассказать всё, что знает об этом камне. Молча выслушивал ответ. Если студент пребывал в замешательстве, подавал второй, затем третий камень. На этом экзамен заканчивался.

Профессор ответил Ефремову, при встрече внимательно выслушал и написал записку в библиотеку при Геологическом комитете. Иван зажал её в руке и, лишь пройдя несколько кварталов, остановился. Чёткие буквы гласили: «Дать этому щенку книги и пускать в читальный зал». Парня словно ударили в грудь. Он задохнулся, охваченный весёлой злостью: «Вы ещё услышите обо мне, господин профессор!»

Иван стал постоянным посетителем геологической библиотеки. Ему и вправду сначала казалось, что книги решат судьбу, ответят на все его вопросы. Но толстые тома на меловой бумаге, многие на иностранных языках, были непонятны, немы для подростка.

Однажды в лавке букиниста Иван нашёл учебник по палеонтологии, изданный в 1905 году. Автором его был Алексей Алексеевич Борисяк. Учебник стоил дорого, но Ивану так хотелось поскорее окунуться в науку, что он заплатил, примчался домой и тут же принялся читать. Он буквально проглотил книгу, но ясно ощутил, что не понял чего-то главного. Какая-то тайна была скрыта за сухим перечнем геологических эпох, описаниями беспозвоночных и позвоночных.

Надо найти автора, встретиться с ним!

Ивану помог справочник «Наука и научные работники»: Горный институт, Васильевский остров, 21-я линия.

Идя на встречу с пятидесятилетним профессором, Иван, конечно, не мог догадываться, что ему предстоит почти полтора десятилетия проработать под его руководством...

«Огромная профессорская квартира. Не кабинет, а целый зал! Из-за необъятного стола поднялся и пошёл навстречу Ефремову среднего роста хрупкий и неестественно прямой человек в очках с толстыми стёклами. Был Борисяк близорук, бледен и сед, а деревянная прямота его корпуса, как позже узнал Ефремов, объяснялась тем, что профессор носил специальный корсет из-за болезни позвоночника. Неожиданно сильный, почти трубный голос как-то не вязался с типичной внешностью кабинетного учёного. Вежливо расспрашивая юного посетителя, Алексей Алексеевич присматривался к нему, поднимая на лоб очки. Правда, Борисяк был очень внимателен и даже обещал привезти из Германии “Справочник по палеонтологии” Циттеля, но заронить “священный огонь” в душу Ефремова не смог. Всё, что тогда говорил профессор, казалось академичным и холодным. От его слов минералы не начинали светиться и не оживали тёмные кости доисторических ящеров»²⁴.

В начале 1923 года, сидя в читальном зале, он задумчиво листал подшивку журналов «Наука и её работники». В тяжёлое для страны время журнал печатался на серой бумаге, но продолжал издаваться.

Внимание Ивана зацепил заголовок: «Северо-Двинская галлерея Российской Академии наук»²⁵. Автор – профессор П. П. Сушкин. Юноша с жадностью начал читать:

«Конец 1922 года в Российской Академии наук отмечен событием, которое надолго оставит свой след в истории русской геологии. После долгих перипетий Академии удалось получить здание для помещения в нём Геологического Музея. Потребность в таком здании назрела уже более 10 лет тому назад. Из-за тесноты помещения, коллекции музея, постоянно возрастающие, становились всё более трудно доступными и для специалистов. Пришлось надолго отказаться от просветительной работы, закрыв для публики доступ в музей. В 1914 году была намечена постройка нового специального здания, был проведён кредит на постройки – но из-за начавшейся войны планы эти рухнули. В настоящее время они воплотились в жизнь в ином виде: Академия получила часть зданий бывшего таможенного ведомства (по Тучковой набережной, д. 2) и приступила к спешному приспособлению их под помещение Геологического Музея и перевозке коллекций».

Написанная живым, выразительным языком, статья читалась легко, и Иван мгновенно проглотил четыре страницы. Затем начал сначала, смакуя каждое название древних обитателей Земли.

²⁴ Брандис Е., Дмитриевский Вл. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. М.–Л., 1963.

²⁵ Сушкин П. П. Северо-Двинская галлерея Российской Академии наук // Наука и её работники, 1922, № 5. С. 3–6. Сам Ефремов говорил о статье П. П. Сушкина в журнале «Природа» (Сушкин П. П. Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата // Природа, 1922, № 3–5. С. 3–32).

Описав значение пермской эпохи для истории наземной жизни, Сушкин перечисляет находки Амалицкого:

«Из панцирноголовых рептилий примитивная *Kotlassia* – новый род, близкий к американской *Seymouria*, небольшое животное, ещё сильно напоминающее стегоцефалов, и затем в изобилии найден *Pareiasaurus* – громадное, с бегемота ростом, неуклюжее животное, явно травоядное; но до сих пор парейзавры были известны только по трём-четырёх сравнительно полным экземплярам; Амалицкий нашёл их десятками. Из разнозубых рептилий *Dicynodon* – большеголовые, с клювообразными челюстями, напоминающими черепах, но большую часть с парой крупных клыков – найден в 4–5 видах, очень сходных с южно-африканскими, и в этом и состоит их значение; Северо-Двинские сравнительно мелки, до величины крупной собаки, и мало разнообразны, тогда как в Южной Африке их насчитывается сотни видов. Другие представители этой группы все новые: крупный хищник *Inostrancevia*, с черепом в аршин длиной и острыми, зазубренными по заднему краю зубами, из которых клыки были вершка в три длиною; намечен к описанию другой, ещё более крупный хищник; далее род *Anna*, близкий к одному из африканских, и род *Dvinia* с многовершинными коренными зубами, уже напоминающими млекопитающих. Амфибии стегоцефалы представлены здесь также новыми и очень оригинальными *Dvinosauridae*. Это стегоцефалы средней величины (до метра), с слабыми ногами и сохраняющимся жаберным аппаратом и во взрослом состоянии – следовательно, жившими всю жизнь в воде. Так как у других – и притом более ранних стегоцефалов жаберный аппарат всегда терялся ко взрослому состоянию, то здесь мы имеем, по всей вероятности, регрессивную эволюцию, возврат личиночных признаков и личиночного образа жизни».

Но как все эти существа очутились в одном месте? Юный читатель был просто заворожен картиной, которую свободно и смело нарисовала кисть учёного:

«Условия нахождения позволяют воссоздать и картину условий жизни этого сообщества. Остатки позвоночных залегают в линзах рыхлого песчаника, которые выполняют впадины слоистой толщи мергелей, а сверху по большей части прикрыты более новыми пластами мергеля, если только последние не разрушены позднейшим размыванием. Сами кости лежат в более плотных отложениях или конкрециях песчаника, от величины кулака и до полутора сажень. Такая конкреция включает то отдельные кости, то кучу костей разнообразных животных, то целый скелет, с частями, сохранившими свою естественную связь. В песчанике линзы находят отпечатки самых разнообразных папоротников-глоссоптерисов, также общих с Южной Африкой и Индией. Та линза – из местности, носящей название Соколки, у дер. Ефимовской – которая разрабатывалась интенсивно и откуда происходит большая часть находок, представляет собою выполненное осадками русло, или, вернее, омут древней реки, которое теперь перерезано долиною Северной Двины и обнаружилось в её береговых обнажениях. Целый ряд признаков указывает, что местность, в верхне-пермский период, представляла степь или пустыню, по которой протекала довольно большая река с омутами. В этот омут сносились трупы или остатки животных, попадавшие в реку и в обычное время, и в особенности при наводнениях; в омуте они постепенно и скопились в большом количестве. Травоядные парейзавры, видимо кормившиеся растительностью, росшей у берега и в самой воде, находятся всюду и часто в очень хорошей сохранности, реже и дальше от берега попадают хищники-иностраницевии, большей частью в виде разрозненных выветрившихся костей – видимо, они жили поодаль от реки и в омут попадали в виде трупов, сносимых наводнением и долго перед тем пролежавших под открытым небом. К середине реки попадают и стегоцефалы, постоянно жившие в воде. Перед нами создаётся картина своеобразной фауны, жившей в условиях пустыни, с характерным разнообразием типов, но с малым разнообразием видов в пределах каждого из них. При этом резко преобладают рептилии, своей организацией защищённые от невзгод сухого климата; амфибии представлены регрессивными формами, которые в этих условиях удерживались».

лись ценою возврата личиночных приспособлений, делающих возможною постоянную жизнь в воде».

В завершении статьи профессор с горечью говорил: всё, «что сделано до сих пор в Северо-Двинских раскопках, сделано при очень скромных средствах, и начиная с 1914 года уже нельзя было не только продолжать исследований на месте, но и вывезти всё то, что было уже добыто и оставлено на месте. Даже поездку в 1922 году для ревизии раскопок и организации охраны удалось осуществить лишь после того, как явно наметилась угроза расхищения, и кое-что было действительно расхищено. И всё – не по недостатку желающих работать, а по недостатку средств. Необходимо, чтобы нашлась наконец материальная возможность достойным образом использовать это единственное в мире национальное сокровище».

Иван читал, и его властно охватывала жажда деятельности. Скелеты древних животных найдены не только в далёких Африке или Америке, но и в России. Значит, и на его, Ивана, долю открытий хватит!

Он вдруг понял, что ему вновь необходимо поговорить – именно с профессором Сушкиным. И написал автору письмо, умоляя о встрече.

Пётр Петрович Сушкин

«Приходите, но не на квартиру, а в Геологический музей. Мы побеседуем, а кстати, вы кое-что увидите...» Под текстом был нарисована схема, как пройти к кабинету.

Ответ Сушкина воодушевил Ивана.

18 марта 1923 года – эта дата навсегда осталась в памяти Ефремова. Как на крыльях помчался тогда юноша на Васильевский остров, в здание складов бывшей Петровской таможни, первое справа, если стоять лицом к Бирже. В этом здании на берегу Малой Невы располагался Геологический музей, ещё не открытый после Гражданской войны.

Из глубины огромных залов с высокими потолками навстречу Ивану вышел, сильно прихрамывая, невысокий человек пятидесяти лет. Юноша ощутил на себе острый взгляд его насмешливых глаз. Типичный профессорский облик: высокий, с залысинами, лоб, седые усы и борода клинышком, чёрные брови, крупный нос, благородные, но твёрдые черты лица.

Пётр Петрович крепко пожал руку четырнадцатилетнему искателю.

– Итак, Иван Антонович²⁶, вы намерены посвятить себя палеонтологии?

Ефремов смутился: по имени и отчеству его ещё никто не называл. Но глаза с доброй смешинкой глядели спокойно и внимательно, и Иван, ободрившись, принялся рассказывать свою историю.

Старинные серебряные часы отмеряли четверть за четвертью, но Сушкина словно вовсе не беспокоил бег стрелок. Он одобрительно покачивал головой, время от времени задавал уточняющие вопросы. А затем преподнёс юному гостю удивительный подарок – сам провёл Ивана по залам музея. Музей тогда лишь готовился к открытию – полвека в нём не было посетителей, Иван стал одним из первых – и, возможно, первым частным посетителем. Надолго задержались они в Северо-Двинской галерее, директором которой Сушкин стал в 1921 году, когда по приглашению Академии наук приехал в Петроград из Симферополя, где занимал профессорскую кафедру в Таврическом университете.

Северо-Двинская галерея – одно из главных сокровищ Геологического музея – располагалась на втором этаже, в просторном светлом зале.

Словно сквозь волшебное окно-аквариум заглянул Иван в неведомый мир – и наяву очутился среди скелетов диких животных. Вот череп хищной иностранцевии с огромными клыками, черепа дицинодонтов с черепашьими беззубыми клювами, поверх которых росли не то два больших клыка, не то два маленьких бивня, скелеты четырёхметровых парейазавров – крупных растительноядных ящеров величиной с медведя. В витринах покоились скелеты и черепа амфибий, притягивал взгляд скелет динозавра с внешними жаберными дугами.

Пётр Петрович, отмечая про себя горящие глаза юноши, рассказал историю Владимира Прохоровича Амалицкого, в общих чертах уже знакомую Ивану. Четверть века назад профессор Варшавского университета, сравнивая пресноводных моллюсков и остатки растений из Верхнепермских отложений России и Южной Африки, обнаружил их сходство. Он предположил, что на севере России могут быть найдены остатки крупных пермских рептилий, подобные тем, что были открыты на юге Африки, на плато Карру.

²⁶ В начале 1920-х годов Ефремов сменил отчество с «Антиповича» на «Антоновича», на основе записи в метрической книге: «Определением Санкт-Петербургского окружного суда от 18 декабря 1910 г. значится в сей статье Иоанн, признан законным сыном титулярного советника Антона Харитоновича Ефремова и жены его Варвары Александровны» (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2183. Л. 177–178). Выписка сделана санкт-петербургским историком В. Я. Никифоровым. Цит. по: Иван Антонович Ефремов. Переписка с учёными. Неизданные работы // Научное наследство. Т. 22. М., 1994.

Главное – знать, что ты ищешь! Амалицкий знал это – и в урочище Соколки на Малой Двине, выше города Котласа, в линзе песчаника обнаружил прекрасно сохранившиеся скелеты животных верхней перми.

Но как же извлечь скелет из песчаника?

Пётр Петрович показал Ивану святая святых – препараторскую, где умелые руки добывали из тяжёлого монолита кости древних тварей, обрабатывали и определяли место каждой кости в целом скелете.

Был профессор занят чрезвычайно: кроме Северо-Двинской галереи, он заведовал Орнитологическим отделением Зоологического музея в должности старшего зоолога, занимался обработкой огромных, не разобранных еще орнитологических коллекций, составлял каталоги птиц, кроме того, был куратором практикантов Академии наук и имел множество других научных обязанностей.

«Палеонтологией он увлекался давно, но, как шутил академик Алексей Алексеевич Борисяк, это увлечение Сушкина долгое время оставалось платоническим – он интересовался достижениями палеонтологии, но сам изучением ископаемых костей не занимался. Так продолжалось до 1921 года, когда Сушкин перебрался с Украины в Петроград, чтобы принять заведование орнитологическим отделением Зоологического музея. И к нему в Академии обратились с неожиданным предложением – занять должность хранителя в еще одном музее, Геологическом.

Сушкин долго колебался – на пятом десятке лет не поздно ли начать заниматься совсем новой областью науки. Но в конце концов решился. И стал заведующим одного из главных отделений Геологического музея – Северо-Двинской галереи.

Совмещая работу в Зоологическом и Геологическом музее (благо они находились по соседству – две минуты пешком), Сушкин всё больше и больше тратил время на ископаемые кости. Иной раз по несколько дней ночевал в Геологическом музее, счищая породу с костей и разгадывая назначение косточек давно исчезнувших тварей. И говорил, что старые кости подарили ему вторую молодость.

В списке его трудов, начиная с 1921 года, палеонтология безраздельно господствует.

Вообще Сушкин был для палеонтологии фигурой необычной и удивительной. Палеонтология находится на стыке двух наук – геологии и биологии. Но работали в ней в основном геологи. Сушкин был, кажется, первым биологом, пришедшим в палеонтологию. Что важно – биологом опытным, знатоком морфологии. До этого он изучал скелеты птиц и хорошо представлял, какое значение имеют кости, как по ним можно реконструировать образ жизни, особенности поведения и даже среду обитания животного.

С уникальным багажом знаний современных животных, с поразительным энтузиазмом и энергией Сушкин взялся за изучение пермских ящеров, добытых за двадцать лет до этого на берегу реки Северной Двины. И предложил совершенно новые трактовки этим ящерам. Можно сказать, оживил древние костяки»²⁷.

О чём же мог рассказывать Ефремову Сушкин?

Представим, что «он показал на странный череп, у которого клыки образуют с клювом своеобразный аппарат для кусания, своего рода щипцы-кусачки. Объяснил, что, судя по челюсти, у ящера были мощные жевательные мышцы. Задняя часть черепа очень широкая – это показывает, что у дицинодонта была мощная шея. И как вывод – это был хищник, но хищник пассивный, падалыщик, разрывавший своими челюстями толстые шкуры мертвых ящеров.

А вот скутозавры. Тоже, по сути, сплошная загадка. Сушкин обратил внимание на их необычайно развитые когти, на сильные передние конечности (по строению похожие на лапы

²⁷ Нелихов А.Е. Научно-технический сотрудник Геологического музея Академии наук Иван Ефремов. Доклад на IV Ефремовских чтениях-фестивале. Москва, 2012. Видеозапись.

крота) и рассказал Ефремову, что эти ящеры были роющими животными, выкапывали корневища из земли.

В музее в такой копающей позе был собран один из скелетов – молодой скутозавр.

Идею роющих скутозавров Ефремов отстаивал всю жизнь, хотя трудно представить крота размером с бегемота. Главное – непонятно, зачем скутозаврам копать землю. Явно не для того, чтобы добыть пропитание – их зубы не приспособлены для твердой пищи. Несколько лет назад один отечественный палеонтолог, анализируя условия захоронения подобных ящеров, предположил, что они выкапывали норы и впадали в спячку во время жарких сезонов. Вполне возможно, так оно и было. Скутозавры по образу жизни были более близки к амфибиям, чем к рептилиям, а многие жабы и лягушки закапываются в землю, чтобы пережить неблагоприятные сезоны...

В одной витрине Северо-Двинской галереи лежал метровый остов амфибии пермского периода, получившей имя «двинозавр» в честь реки Северной Двины, на берегу которой проводил раскопки покойный Амалицкий. У скелета в районе шеи сохранились окаменевшие внешние жабры. Видимо, двинозавры были личинками амфибий, которые не стали превращаться в половозрелую взрослую особь, а навсегда остались головастиками. Сейчас такой образ жизни ведут мексиканские аксолотли, никогда не достигающие взрослого состояния, находящиеся, так сказать, в вечном детстве. Они живут так по много лет и вполне успешно размножаются.

Сушкин на примере двинозавра выдвинул поправку к знаменитому закону необратимости эволюции. По его мнению, иногда животные могут регрессировать, возвращаясь в предыдущее состояние. Так кости ящеров с русского севера корректировали законы природы. Показывая на окаменевшие жабры древней саламандры, Сушкин объяснял устройство Вселенной»²⁸.

...Через несколько дней сотрудники музея и аспиранты, входя в кабинет Петра Петровича, вдруг замечали новый стол, за которым восседал какой-то юнец. Каким фокусом пролез этот мальчишка в кабинет профессора, получив позволение приходить в любое время? А профессор не только отбирает для него книги и разговаривает как с равным, но и позволяет ему в препараторской следить за обработкой костей. Извлекать кости из породы Сушкин умел прямо-таки ювелирно!

С восторгом окунулся Иван в атмосферу радостного научного поиска, которую создавал вокруг себя Сушкин.

Пётр Петрович ратовал за увеличение числа молодых людей, интересующихся наукой, требовал, порой даже резко, прибавить количество практикантов. Он считал, что для научной работы надо выдвигать действительно талантливых людей, иметь возможность выбора: «Нет смысла ухаживать за единственным живым ростком, из которого ничего путного не вырастет и который потом будет жалко выбросить, так как на него затрачен большой труд»²⁹.

О Сушкине осталось мало воспоминаний, потому так драгоценны свидетельства современников. Они помогают понять, в чём именно повлиял академик на формирование научных взглядов Ефремова.

Орнитолог и путешественница Елизавета Владимировна Козлова вспоминала:

«Заведуя в 20-х годах Орнитологическим отделением Зоологического музея и ежедневно общаясь с нами, молодыми тогда сотрудниками, начинающими специализироваться орнитологами, Пётр Петрович принимал близко к сердцу каждую работу своих учеников, радуясь нашим удачам, браня за ошибки и промахи. Каждому из нас не терпелось прежде всего поведать ему о своих достижениях, как бы незначительны они ни были, или о своей удачной находке

²⁸ Там же.

²⁹ Иванов А. А. Памяти Петра Петровича Сушкина // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П. П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 7.

и новом наблюдении во время очередной экспедиции. Пётр Петрович на всё это живо откликался. Он ни при каких случаях не расточал хвалебных слов, но выражения его лица, его довольной, и почему-то в таких случаях чуть лукавой улыбки было достаточно, чтобы почувствовать себя обласканным и счастливым. Вообще он был немногословен, сдержан и строг, к тому же блестяще остроумен. Его юмор не задевал, а обычно свидетельствовал о хорошем настроении и расположении к собеседнику.

Мы все каждый день шли на работу в Музей, как тогда назывался Зоологический институт, радостные, потому что каждый день сулил что-то особенное, главным образом интересную беседу на самые разные, всегда животрепещущие для нас темы – чаще всего зоогеографические или исторические.

Пётр Петрович с величайшим удовольствием делился со всеми окружавшими его орнитологами своими соображениями, догадками, планами. Его разговор на научные темы звучал совсем не как лекция или поучение, а именно как беседа, в которой от слушателей требовалась реакция: возражение, одобрение или вопрос. Изложив нам какие-нибудь мысли, Пётр Петрович нередко спрашивал: что вы об этом думаете? К сожалению, я лично в то время большей частью не умела ответить, потому что только начинала работать, а если робко возражала ему, то он всегда прислушивался к сказанному и доказывал свою правоту ещё с другой, новой точки зрения. Сокровища своего ума, таланта и эрудиции Пётр Петрович расточал всем. Он был очень богат духовно. Всё это было для нас всех счастьем...»³⁰.

³⁰ Козлова Е.В. Расселение фазана *Phasianus colchicus* L. в пустыни Центральной Азии // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П.П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 16–18.

Орнитолог и палеонтолог

Иван восхищался Сушкиным. Это был учёный безукоризненно высокого стиля и вместе с тем человек с громадным опытом полевой работы, свободно ориентировавшимся в бытовых условиях. Он умел всё: выследить птицу, описать все её повадки и особенности, считал, что учёный должен сам тщательно препарировать птиц, не полагаясь всецело на препараторов. «Конечно, при изобилии добытого материала препараторская работа обременяет творческую работу наблюдателя в поле, поэтому её в какой-то степени можно перепоручать помощникам, но орнитолог должен в значительной степени препарировать сам. Плох тот орнитолог, который не умеет препарировать. В орнитологическое исследование можно вложить много эстетики и найти удовлетворение в познании совершенства форм. Если бы вы видели, как Мензбир, или Сушкин, или оба вместе рассматривали соколов, вы поняли бы, что в них играла кровь не только первоклассных исследователей. Они восторгались тем, что видели и что держали в руках. Не поучительно ли это для тех, кто посвятит себя орнитологии всецело?»³¹

Слова эти в полной мере относились и к палеонтологии. Именно потому Сушкин обучал препаровке своего юного протеже.

Оставаясь в кабинете один, Иван иногда подходил к столу профессора и листал объёмистую рукопись о птицах Алтая, которую Сушкин разрешал читать всем коллегам. Юноша, уже проехавший Россию с юга на север, знал, как велика наша земля, как много в ней ещё неизвестного, неоткрытого. И оттого жарким огнём горела в нём жажда странствий. Вот Сушкин – изучил Тульскую и Смоленскую губернии, побывал в каждом уезде Уфимской губернии, обошёл Южный Урал, любую птицу по полёту узнает. Легендарными стали его экспедиции 1896 и 1898 годов в степи Казахстана. Материала было собрано так много, что его обработка затянулась на десять лет (правда, одновременно Сушкин написал и защитил магистерскую диссертацию). Результатом экспедиций стала работа «Птицы Средней Киргизской степи» (1908) – работа с богатым повидовым обзором, настолько подробная и всеобъемлющая, что не вполне вписывалась в академические рамки.

Леонид Александрович Портенко вспоминал: «Мензбир в порядке поучения говорил мне, что, в сущности, так писать не совсем правильно, что Сушкин писал всё, что только мог сказать в данном случае. Может быть, это замечание и справедливо с точки зрения редактора объёмистого тома, но для читателей этот труд Сушкина – клад для ознакомления с птицами, их распространением, распределением и жизнью в степном Западном Казахстане. Всё сопровождается пояснениями, справками и замечаниями по систематике»³².

Об этой работе вспоминал Ефремов более четверти века спустя, когда готовил к печати свою любимую «Фауну медистых песчаников». Его работа тоже не укладывалась в строгие рамки палеонтологии: она была насыщена сведениями по истории изучения медистых песчаников, истории горного дела, геологии, описывала подземные медные разработки XVIII–XIX веков, содержала множество идей, которые могли бы стать зёрнами самостоятельных исследований. Так проявилась преемственность научной мысли.

Сушкин исследовал верховья Енисея – Минусинскую лесостепь, Западный Саян, запад Урянхайского края (современная Тува), – побывал в Зайсанской котловине, на Северном Кавказе и в Закавказье. Особенно восхищали Ивана две последние крупные экспедиции Сушкина, в 1912 и 1914 годах, когда учёный изучал птиц Алтая.

³¹ Портенко Л.А. П. П. Сушкин как фаунист и зоогеограф // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П.П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 25.

³² Там же. С. 21.

С добрым юмором рассказывал Сушкин экспедиционные истории. Как-то в киргизскую поездку его спутник студент С. А. Резцов остановился у озера, обросшего камышом. Лезть в воду ради полноты исследования у него особого желания не было. Сушкин сам полез в озеро, вымок и неожиданно для спутника добыл *Acrocephalus agricola* – индийскую камышевку.

В экспедициях приходилось ездить на чём придётся – и на лошадях, и на верблюдах.

Более всего Сушкин любил вспоминать историю 1914 года. Тогда, возвращаясь из алтайского похода, он должен был как-то погрузить на пароход экспедиционное имущество, в том числе и клетки с живыми соколами. Но началась война, и на пароход производили посадку мобилизованных. Дело казалось безнадёжным. Тогда Сушкин обратился к капитану и сказал, что везёт соколов для царской охоты. Капитан быстро нашёл место для важных пассажиров!

В музее царил высокий дух научного сотрудничества. Часто возникали своеобразные летучие митинги: «Заметив что-нибудь интересное, Пётр Петрович сразу же созывал окружающих – опытных орнитологов и зелёную молодёжь – на равных правах, вёл с ними беседу или советовался, не считаясь “с чинами и рангом” собеседников»³³.

Научная щедрость как важнейшее качество истинного учёного вошла в плоть и кровь Ефремова. «Я сам по себе шёл в науке, никогда не опасаясь – отдать»³⁴, – писал он Алексею Петровичу Быстрову в 1950 году.

Сушкин выделял Ефремова среди своих учеников, ценил его настырность в постижении основ биологии и палеонтологии, прекрасно понимая, что наука интересовала юношу пока только со стороны романтической. Профессор помогал Ивану понять, что увлекательными могут быть не только неведомые звери и опасные путешествия, но и научные факты, и обработка уже собранных материалов, и красивые гипотезы.

Пётр Петрович чувствовал в зелёном юнце живой ум, глубокую восприимчивость и возможную научную дерзость, но, приняв на себя ответственность за его развитие, строго отчитывал за проступки. По субботам он устраивал Ефремову разнос, не стесняясь в выражениях, вспоминал все провинности за неделю: тогда-то был недостаточно вежлив в обращении со старшими коллегами, тому-то грубо отвечал по телефону, устроил беспорядок на рабочем столе. Особенно досталось Ивану, когда Сушкин узнал, что в его отсутствие Ефремов брал трубку телефона: «Профессор Сушкин слушает». Хозяин кабинета позвонил к себе – и действительно услышал голос Ивана!

Иван краснел, умолкал, но вновь приходил в кабинет Сушкина – теперь уже академика (избран в 1923 году).

После окончания школы Иван готов был всё своё время посвятить науке, но в одну точку сошлись два факта: Пётр Петрович уезжал в длительную командировку в Соединённые Штаты для установления научных контактов, стало быть, не мог оказывать прежнюю поддержку Ивану, а поступить на работу в музей было невозможно из-за отсутствия вакансий и, следовательно, лишнего пайка.

Пётр Петрович утешал:

– Придётся вам потерпеть, Иван Антонович, да и университет небесполезно окончить. Остаться на всю весну и лето в Петрограде, работать шофёром?

Пришёл черёд козырной карты. Вот он, драгоценный документ: «Предъявитель сего, Ефремов Иван Антонович, действительно сдал экзамены за мореходные классы на весьма удовлетворительно и получил звание штурмана-судоводителя каботажных и речных судов».

³³ Иванов А.И. Памяти Петра Петровича Сушкина // Орнитологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика П.П. Сушкина. Труды Зоологического института АН СССР. Т. XLVII. Л., 1970. С. 8.

³⁴ Ефремов И. А. Переписка с учёными. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 462.

Дмитрий Афанасьевич Лухманов

В зрелом возрасте Иван Антонович говорил, что человек может и должен быть работоспособным восемнадцать часов в сутки. Сам же он работал, возможно, гораздо больше.

Учиться в школе, оканчивая два класса в год, заниматься у Сушкина, зарабатывать себе на жизнь шофёрской работой – и ещё окончить Петроградские мореходные классы! Ефремов расправился с ними неожиданно легко: прочитал несколько учебников и специальных книг и пошёл сдавать экзамены.

Возможно, подготовиться к экзаменам ему помог Дмитрий Афанасьевич Лухманов. Ефремов гордился своей дружбой с этим настоящим морским волком, плававшим во всех океанах – и на современных пароходах, и под парусами. В 1924 году бывалого капитана назначили на должность начальника Ленинградского морского техникума водных путей сообщения, и он посвятил себя воспитанию морской молодёжи.

Дмитрий Афанасьевич начал плавать матросом в 1882 году, в пятнадцать лет, зарабатывая себе на жизнь. Чёрное море, Средиземное, Атлантика, Индийский океан, Волга, Каспийское море, затем – Дальний Восток, плавания по Амуру и Тихий океан. Вот это биография!

Лухманов помнил и прекрасно умел рассказывать потрясающие, порой леденящие душу морские истории. Имена легендарных кораблей звучали как песня.

«Я стоял на набережной и смотрел на просыпавшуюся Круглую гавань.

Рассвело, но солнца пока ещё не было видно. Оно пряталось в тумане, окутавшем гавань. Туман рвался на пушистые мягкие клочки, и не заметный в гавани береговой бриз плавно выносил их в открытый океан.

Яснее и яснее вырисовывались стройные, высокие мачты соседних судов. Я уже знал все суда, которым они принадлежали. Какие суда! Я и сейчас вижу их перед глазами! <...>

А вот и мачты исторического клипера “Катти Сарк”. Я легко узнаю их по необычайно длинным верхним реям и маленькому грот-трюмселю. “Катти” – самый красивый и самый быстроходный клипер из всего бывшего “чайного”, а теперь “шерстяного” флота, если не считать её единственного, ещё не побеждённого, конкурента – клипера “Фермопилы”.

Подальше, вправо от “Катти Сарк”, снимался с якоря маленький клипер-барк “Бирэйн”. На нём знаменитый капитан Вайрил. <...>

Все паруса барка были отданы и висели чёткими фестонами под его лакированными реями. Грот-марсель медленно полз вверх по стенке. В чистом утреннем воздухе по просыпавшемуся порту нёсся над водой немножко хриплый, но удивительно приятный и задушевный голос матроса-запевалы:

Входит в гавань чёрный клипер.
Дай, братцы, дай!
Интересно, кто там шкипер?
Дай, братцы, дай, братцы, дай!

Припев весело подхватывался всей командой, и видно было как при каждом «дай» марса-рей на “Бирэйне” подскакивал сантиметров на десять кверху.

Это янки, без сомненья.
Дай, братцы, дай!
Жизнь на нём одно мученье.
Дай, братцы, дай, братцы, дай!

Ах, как хорош был этот маленький барк! Его корпус выкрашен чёрной, блестящей, точно эмалевой краской с лёгкой золочёной резьбой по княвдигеду и вокруг подзора кормы. Рубки, световые люки, узенький верхний фальшборт, шлюпки и весь рангоут отлакированы. Окованный листовой медью планшир, компасы, верхушки шпилей, колокол, решётки на светлых люках блестят, как отполированное золото.

Вот марса-реи дошли до места, и к их ногам потянулись, погромыхая, цепные брамшкоты. Брам- и бом-брам-фалы тянутся ходом по палубе, и запевала уже не поёт, а только улюлюкает в такт топочущим по палубе босым ногам.

– Ла... ла... ла... ла-ла, холл-ла! – разносится по гавани его голос.

... Через четверть часа все паруса “Бирэйна” поставлены и вытянуты, что называется, “в доску”. Реев разбрасоплены на разные галсы.

– Пошёл шпиль! – раздаётся команда Вайрила.

И немедленно вслед за командой заклацал патентованный брашпиль, отделяя от грунта ранее подтянутый до панера якорь.

Нос барка плавно покотился под ветер.

Ещё минута – и по задним парусам пробежала чуть заметная дрожь от нечувствительного внизу ветерка.

– Пошёл фока-брасы!

И вся стена передних парусов плавно повернулась вокруг мачты и стала под одним углом с гротовыми. Тут произошло чудо: с безжизненно висящими мягкими шерстяными складками флагом, с плоскими, ненадутыми парусами барк тронулся вперёд и, плавно скользя по зеркальной воде гавани, начал сильнее и сильнее забирать ход, точно подгоняемый какой-то скрытой чудодейственной силой.

Я стоял как зачарованный и не верил глазам.

Вдруг чья-то рука дружески опустилась мне на плечо. Я обернулся. Перед мной стоял незнакомый человек, одетый в хороший тёмно-синий костюм и серую шляпу. На вид ему было лет под сорок.

По выражению загорелого лица, с аккуратно подстриженной, по довольно большой тёмно-рыжей бороде и по манере держаться я сразу узнал в нём моряка и, по всей вероятности, капитана.

– Нравится? Спросил он. – Интересно?...»³⁵

Удивительно: не герой книги, а живой, рядом сидящий, уже пожилой человек с твёрдым взглядом небольших глаз, с сурово сжатыми губами – видел всё это своими глазами! На его плечо опускалась рука рыжебородого капитана «Армиды». Когда Лухманов погружался в воспоминания, резкие черты его лица смягчались, лёгкая улыбка поднимала уголки губ.

«В знойном воздухе реял почти неощутимый ветерок, верхушки медленных, лениво зыбившихся волн закруглились, будто расплавились, море горело под безжалостным солнцем. Но клипер, чуть раздувая всю массу своих парусов, продолжал скользить по волнам шестиузловым ходом. Это казалось чудом, но это было так! Штилевая полоса на этот раз не мучила моряков вынужденным бездельем, нелюбимым гораздо сильнее всякой непогоды и особенно отвратительным в душную жару».

Этот отрывок уже не из книги капитана Лухманова – это повесть Ефремова «Катти Сарк»³⁶, впервые опубликованная в 1944 году. Первая глава в ней называется «Юбилей капитана Лихтанова» – в юбилее мы сразу узнаём Дмитрия Афанасьевича. Начинается глава так:

«В квартирке едва умещались многочисленные гости. Все сиденья были использованы, и в ход пошли торчком поставленные чемоданы. Почтить семидесятилетие капитана яви-

³⁵ Лухманов Д. А. Под парусами. М., 1999. С. 125–128.

³⁶ «Катти Сарк» в сборниках называется рассказом, но по существу это повесть.

лись преимущественно моряки. Табачный дым плавал голубыми слоями, неохотно убираясь в тянувшее холодом приоткрытое окно. Сам хозяин, крупный и грузный, сновал между гостями и чувствовал себя отлично среди весёлых возгласов и смеха.

Молоденький штурман, стесняясь общества почтенных командиров, жался у стены, рассматривая картинки судов в простых коричневых рамках, и остановился взглядом на большой фотографии парусника. В точных линиях стремительного, узкого корпуса корабля чувствовалось совершенство, подчёркивавшееся неправдоподобной громадой белых парусов. Верхние реи были необычайно длинны и в размерах почти не уступали нижним.

Хозяин подошёл ободрить робкого гостя.

– Любуетесь? – одобрительно загудел он, опуская жилистую руку на плечо штурмана.

– Этим кораблём вы тоже командовали, Даниил Алексеевич? – спросил юноша.

– Вот ещё! – Отмахнулся старый капитан. – Да это же “Катти Сарк”!»

Гости капитана уговаривают хозяина рассказать всё, что он знает о знаменитом клипере. Назван он в честь героини поэмы Бернса – красотки-ведьмы Катти Сарк, что означает «короткая рубашка». Оказалось, что у капитана даже есть рукопись, где рассказывается её история. Одна из глав повести так и называется: «Рукопись капитана Лихтанова».

«Катти Сарк» – это не просто повесть, а настоящая поэма в прозе, посвященная морю и тысячелетнему опыту человечества в покорении водных пространств.

Любовь к морю уже давно жила в душе Ивана Ефремова, но капитан Лухманов подсказал юноше, как можно воплотить её в дело. Самому Лухманову пришлось добиться отчисления из шестого класса военной гимназии, когда он, платонически любивший никогда не виданное им море, решил вопреки воле отчима во что бы то ни стало сделаться моряком. Лухманову было тогда пятнадцать.

Ивану скоро уже шестнадцать, и ему ничто не препятствует. Однако в Петрограде того времени судов было крайне мало, на них служили квалифицированные моряки. К тому же, чтобы стать штурманом, нужно было пять лет морской практики.

В 1921–1923 годах Лухманов, будучи во Владивостоке, занимался сложнейшими вопросами возвращения Советскому Союзу судов Добровольного флота. Построенные на народные деньги пароходы были большей частью захвачены интервентами и белогвардейцами и плавали за границей. К 1924 году многие корабли удалось вернуть, и Добровольный флот слился с Совторгфлотом. Морская жизнь налаживалась.

По совету капитана Ефремов буквально на последние рубли отправился на Дальний Восток.

Навигация на Дальнем Востоке

В 1895 году Лухманов добирался до Владивостока по строящемуся железнодорожному пути. Проехав на поезде как можно дальше – до Челябинска, они с товарищем покатали на лошадях по великому Сибирскому тракту. Ехали по двести вёрст в сутки, без ночёвок на станциях, меняя лошадей и экипажи, каждый раз перегружая вещи. И только в Омске какой-то доброхот надоумил их купить собственный тарантас, чтобы продать его потом в Сретенске. От Сретенска плыли на пароходе по Амуру.

Сидя в вагоне поезда (денег, полученных при расчёте за шофёрскую работу, едва хватило на билет), Иван думал об огромных, часто ещё неисследованных пространствах нашей страны и вспоминал рассказ Лухманова о встрече с Владивостоком: «От Николаевска-Уссурийского я почти не отходил от окна: всё ждал, когда покажется давно не виданный друг – беспредельное, открытое море. И вот перед вечером оно блеснуло наконец – родное, любимое, долгожданное.

Поезд подлетел к Владивостокскому перрону. <...>

Владивосток был типичным военно-морским городом, напоминавшим Севастополь. Улицы полны блестящими флотскими офицерами в белоснежных кителях и матросами в белых форменках. На рейде покачивались чёрные, с жёлтыми трубами и высоким рангоутом крейсера первого ранга: “Нахимов”, “Корнилов”, “Память Азова” и “Владимир Мономах”. Здесь же стояли крейсер второго ранга “Стрелок”, канонерские лодки “Манчжур” и “Кореец” и больше десятка миноносцев. Внизу, у пристани Добровольного флота, дымил двумя высокими жёлтыми трубами только что пришедший из Одессы быстроходный красавец “Орёл»³⁷.

Ефремов приехал во Владивосток во времена новой экономической политики, проводимой правительством. «Экзотика, словно сошедшая со страниц Джозефа Конрада и Клода Фарраре, со всех сторон обступила юношу. Чего стоило одно название бухты – Золотой Рог! Тесные улочки китайского квартала. Тайные опиекурильни. Японские чайные домики. Экспортированные во Владивосток не первой молодости гейши. Стройные индусы в синих чалмах с гофрированными бородами и выразительными печальными глазами... Леденящие душу ночные вопли в районе порта и хрипая ругань чуть ли не на всех языках мира. Невообразимое, свирепое пьянство. Не очень всё это пришлось по душе шестнадцатилетнему романтику – штурману каботажных судов»³⁸.

В мае Ивану удалось устроиться старшим матросом на кавасаки – парусно-моторное судно «III-й Интернационал». Это убогое, тесное, грязное, провонявшее рыбьим жиром судёнышко принадлежало Камчатскому акционерному обществу, порт приписки – Владивосток. Кавасаки курсировал между рыбацкими промыслами, снабжая их солью и перевозя рыбу.

Капитан, чтобы платить матросам как можно меньше, набрал в команду всякой шпаны. Только благодаря врождённой силе и боксёрскому умению старшему матросу Ефремову удалось отстоять своё достоинство.

«III-й Интернационал» не был гордым океанским лайнером, но хмурые серые волны Тихого океана плескались совсем рядом. Кавасаки ходил на Сахалин, через пролив Лаперуза Охотским морем – в далёкий порт Аян, куда можно добраться только по воде. Высокие, покрытые тайгой вершины Джугджура теснились, прижимали к кромке прибоя домики посёлка. Солнце вставало из моря, чтобы раньше обычного скрыться за горами. Крупная соль, которую приходилось грузить матросам, разъедала кожу.

³⁷ Лухманов Д. А. Под парусами. М., 1999. С. 231.

³⁸ Брандис Е., Дмитриевский Вл. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. М.–Л., 1963.

Иван освоился в море, научился чувствовать, понимать его. Память жадно вбирала подробности морской науки. Уже не детская романтика, но возможность проверить себя, свой ум и силы влекли Ивана в новый рейс.

Несколько кратких стоянок было у судна в Японии. Холодным презрением светились глаза Ивана, когда в кубрике после этих стоянок подробно обсуждались портовые кабаки и проститутки. Он отчётливо осознал, что он будет держаться другой стороны улицы – если иметь в виду сторону эмоционально-психологическую.

О своих переживаниях он не распространялся. Лишь спустя десятилетия написал такие слова: «В этой стране я познакомился с чрезвычайно милой девушкой. Она была моей возлюбленной четыре дня (и ночи), и я буду помнить о ней до конца своих дней...»³⁹

Миико Эйгоро – так назовёт Ефремов одну из прелестных героинь романа «Туманность Андромеды», девушку-археолога с японскими корнями, происходившую из племени женщин-ныряльщиц. Дар Ветер, один из главных героев романа, плывёт с ней вместе на маленький островок: «Тихий полудетский голос окликнул его. Он узнал Миико и, взмахнув руками, лёг на спину, поджидая маленькую девушку. Она стремительно бросилась в море. С её жёстких смоляных волос скатывались крупные капли, а желтоватое смуглое тело под тонким слоем воды казалось зелёным».

Мы читаем эти строки так, будто Иван Антонович сам рассказывает нам о своей возлюбленной: «Звонкий смех Миико был ему наградой. Девушка, молчаливая и всегда немного грустная, сейчас неузнаваемо изменилась. Весело и храбро устремляясь вперёд, к тяжело плещущим волнам, она по-прежнему оставалась для Ветра закрытой дверью...»

В октябре, с окончанием навигации, Иван взял расчёт и таким «штурманом четырёх ветров» вернулся в бывшую столицу, только что переименованную в Ленинград. Как жаль, что человек может прожить только одну жизнь! Но если он посвятит себя морю, то уже не сможет полноценно заниматься наукой. Как же быть?

Ефремов узнал, что Сушкин уже вернулся из Америки, но первым делом отправился к Дмитрию Афанасьевичу Лухманову.

«Мы сидели у него дома на Шестой линии, пили чай с вареньем, – вспоминал Иван Антонович. – Я говорил, он слушал. Внимательно слушал, не перебивая, знаете, это большой дар – уметь слушать! – потом сказал: “Иди, Иван, в науку! А море, брат... что ж, всё равно ты его уже никогда не забудешь. Морская соль въелась в тебя”. ...Это и решило мою судьбу»⁴⁰.

Иван выбрал науку, но и в самом деле никогда не забывал моря.

Однажды в Охотском море, возле Курильских островов, Ивану довелось пережить цунами. Встреча с гигантскими волнами нашла отражение в повести «Звёздные корабли». Пароход «Витим», на котором плывёт профессор Давыдов, получает весть об огромной приливной волне. Капитан выбирает единственной верный путь: идти навстречу цунами, подальше от берега: «Давыдов посмотрел вперёд и увидел несколько рядов больших волн, бешено мчавшихся к земле. А за ними, как главные силы за передовыми отрядами, стирая голубое сияние далёкого моря, тяжко нёсся плоский серый холм гигантского вала».

Когда читаешь описание, думаешь – только пережив подобное, можно было найти подходящие слова и образы: «Передние волны по мере приближения к земле вырастали и заострялись. “Витим” резко дёрнулся носом, взлетел вверх и нырнул прямо под гребень следующей волны. Мягкий тяжёлый шлепок отдался в поручнях мостика, крепко зажатых в руках Давыдова. Палуба ушла под воду, облако сверкающих водяных брызг туманом встало перед мостиком. Через секунду “Витим” вынырнул, нос его опять понёсся вверх. Мощные машины содро-

³⁹ Цит. по: Устименко Б. Свет маяка в житейском море. Воспоминания о И. А. Ефремове. Белгород-Днестровский, 2010. С. 48–49.

⁴⁰ Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов. М., 1987.

гались глубоко внизу, отчаянно сопротивляясь силе волн, задерживавших корабль, гнавших его к берегу, стремившихся разбить “Витим” о твёрдую грудь земли.

Ни одного пятна пены не белело на обрыве исполинского вала, который поднимался со зловещим хрипом и становился всё круче. Тусклый блеск водяной стены, стремительно надвигавшейся, массивной и непроницаемой, напомнил Давыдову кручи базальтовых скал в горах Приморья. Тяжёлая, как лава, волна вздымалась всё выше, заслоняя небо и солнце; её заостряющаяся вершина всплыла над передней мачтой “Витима”. Зловещий сумрак сгустился у подножия водяной горы, в чёрной глубокой яме, куда соскальзывало судно, как будто покорно склонявшееся под смертельный удар».

«Витим» выдержал натиск цунами, а моряки потребовали от профессора объяснить им, «что это такое было». После лекции профессор долго размышлял о могучих, не познанных ещё силах Земли. Вероятно, об этом же думал в 1924 году в Охотском море юный ещё Ефремов.

«Немало лет тому назад я плывал старпомом на довольно большом пароходе “Коминтерн” – в пять тысяч тонн, добротной английской постройки. Ходили между Владивостоком и Камчаткой, изредка на юг – в Шанхай или поближе – в Гензан и Хакодате.

В июле 1926 года мы шли очередным рейсом в Петропавловск, с заходом в Хакодате, – следовательно, через Цунгарский пролив. Вышли из Хакодате к вечеру, а через сутки привалил бешеный шторм, настоящий тайфун от зюйд-веста. Поднялось такое волнение, что волны стали закрывать судно», – это первые строки рассказа «Встреча над Тускаророй», в котором «Коминтерн» над Тускарорской впадиной врежется в давно затонувший парусник, который вёз груз пробки и не пошёл ко дну, а дрейфовал, скрытый волнами. Освободить корабль пришлось с помощью водолазов.

В рассказе «Последний марсель», действие которого происходит во время Великой Отечественной войны, моряки с гибнущего транспорта «Котлас» на спасательном плоту попадают в Норвегию, откуда уплывают на старинной бригантине, справляясь в штормовой ветер с непривычными для паровых моряков парусами.

Читатели рассказов, впервые знакомясь с автором, вполне могут подумать, что Ефремов – профессиональный моряк.

В романе «Лезвие бритвы» Ефремов мастерски описывает путешествие на яхте в Атлантическом океане и приключения водолазов у западных берегов Южной Африки, в дилогии «Великая дуга» – плавание древних египтян по Красному морю и Индийскому океану, плавание греков по Средиземному морю.

Венчает этот морской ряд, безусловно, «Катти Сарк» – история корабля, который воплотил в себе многовековой опыт кораблестроения и опыт человека в борьбе со стихией:

«Шторм установился в одном направлении. Клипер нёсся сквозь бушующий океан, словно заколдованный. Гривастые водяные горы вздымались вокруг, угрожая задавить судно своей тяжестью, но не могли даже захлестнуть палубу, обдаваемую только брызгами. Серые разлохмаченные облака с огромной скоростью бежали по небу, обгоняя “Катти Сарк”.

Видимость сократилась. Океан не казался беспредельным и стал похож на небольшое озеро, замкнутое в свинцовых стенах туч и изборозждённое гигантскими волнами. Слева начал подниматься вал непомерной вышины. Тёмная зловещая бездна углублялась у его подножия. Вал рос, приближался, заострялся. Вот уже совсем навис над палубой “Катти Сарк” его заворачивающийся вниз гребень. В долю секунды клипер взлетел на него, лёгкий и увёртливый. Чудовище исчезло, подбросив корму своим последним вздохом. Волшебница Нэн плясала на волнах, и угнетающая сила бури не имела над ней никакой власти».

Глава третья. Юность (1924–1928)

Однажды капитан Гоп, увидев, как он мастерски вяжет на рею парус, сказал себе: «Победа на твоей стороне, плут». Когда Грэй спустился на палубу, Гоп вызвал его в каюту и, раскрыв истрёпанную книгу, сказал:

– Слушай внимательно! Брось курить! Начинается отделка щенка под капитана.

А.С. Грин. Алые паруса

В университете

– Ну-с, что вы, Иван Антонович, теперь намерены предпринять? – вежливо-бесстрастно спрашивал Сушкин, но в глазах у него горели весёлые искорки.

– Учиться в университете. Это ничего, что учебный год начался, я догоню. Только...

Пётр Петрович сел за стол и обмакнул перо в чернильницу.

С запиской Сушкина Ефремов обратился к ректору Ленинградского университета Николаю Севастьяновичу Державину, филологу и историку, и был зачислен вольнослушателем на биологическое отделение физико-математического факультета. Через год Ефремов числился уже студентом.

В душе теснились воспоминания об Охотском море. Юноша словно всё ещё слышал, как поёт такелаж при приближении шторма, ощущал, как дрожат руки после тяжёлой вахты. Привычная с детства Троицкая улица казалась Ивану тесным тёмным ущельем. Спеша по утрам в университет, Иван специально задерживал шаг на мосту, чтобы впитать в себя невский простор.

Трёхэтажное здание Двенадцати коллегий, торцом выходящее на Неву, длинное, составленное из двенадцати ритмично повторяющихся фасадов, напоминало Ивану лекционные часы – они тянулись невыносимо долго, темы разных лекторов порой повторялись, перекрещивались, и надо было только прилежно внимать, а юноше хотелось самостоятельного действия.

Когда-то здесь заседали министры, члены Сената и Синода, корпели над бумагами чиновники с протёртыми локтями. Вот уже больше ста двадцати лет храм чиновников превращён в храм науки. Но после революции и Гражданской войны строгий ритм университетской жизни нарушился. Преподавателей не хватало. Изменились студенты – исчезли форменные фуражки и тужурки, никто уже не подкатывал к подъезду на рысаках, но в глазах молодых – жажда знаний.

Однажды в группе зашёл разговор о значении одежды. В пылу дискуссии Иван сказал, что может на спор пройти по Республиканскому (ныне Дворцовому) мосту во фраке и цилиндре.

Костюм взяли в театральном гардеробе, и в назначенный день товарищи издали наблюдая, как по мосту шествовала высокая фигура во фраке и цилиндре.

Милиционер, стоявший на посту, чуть было не протёр глаза от удивления: что это за фрукт старорежимный здесь ходит?

– Предъявите документы, товарищ, – сказал он строго.

Иван протянул ему студенческий билет, так широко улыбаясь, что милиционер рассмеялся:

– Иди, студент!

В университете часто устраивались вольные диспуты и философские дискуссии, где молодёжь обсуждала различные вопросы марксистской философии, обсуждала вопросы диа-

лектики, системы Гегеля и Канта. Ефремов и его товарищи читали и конспектировали «Анти-Дюринг» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ефремов воспринимал как прямое продолжение «Происхождения видов» и «Происхождения человека» Дарвина.

Интерес был горячим и искренним: в начале нового пути, пути в коммунистическое будущее, было так важно понять законы этого пути, осознанно сформировать своё мировоззрение – на научной основе.

Мирочувствование, мироощущение присуще человеку от рождения, мировосприятие закладывается традициями окружающей среды, миропонимание скорее стихийно, чем продуманно. Мировоззрение – высшая ступень осознания действительности, чтобы подняться до него, надо постоянно исследовать жизнь в самых разнообразных её проявлениях.

В дискуссиях остро проявлялась личность каждого участника, и Иван учил себя не захлебываться в горячке спора, что было нелегко.

Победа в дискуссии не отменяла упорных занятий.

Многие отрасли науки были уже знакомы Ефремову – он в душе благодарил Петра Петровича за подбор книг, которые академик обязал его прочитать. Это позволяло не ходить на все лекции, но давало возможность рьяно трудиться над лабораторными заданиями.

Основы биологии не вдохновляли на подвиги, но Иван твёрдо знал, что бесполезными они не будут.

Необычная история произошла со сдачей анатомии человека. Дмитрий Иванович Дейнека, заведующий кафедрой гистологии, для сдачи зачёта пригласил группу студентов к себе домой.

– Ну-с, господа-товарищи, сообщите мне, какой именно раздел анатомии намерен сдавать каждый из вас.

Из всей группы лишь Ефремов сказал, что намерен сдавать весь предмет.

– Вы хотите сказать, что серьёзно относитесь к науке? Что ж, проверим.

Профессор отпустил остальных, поставив им зачёты, и до вечера гонял Ивана по всем разделам анатомии. В конце концов сначала раскрасневшийся, а затем и вспотевший Ефремов зачёт получил, на всю жизнь усвоив предмет. Спустя десятилетия он не раз удивлял осматривавших его врачей, когда давал им комментарии на латыни.

Из университета Иван направлялся в музей. Там Сушкин вновь созывал летучие митинги возле какого-нибудь необычного биологического объекта.

Однако деньги, заработанные старшим матросом Ефремовым, кончались.

«Стипендии мне не досталось – их было очень мало. Пришлось снова браться за неквалифицированный труд.

Дело пошло несравненно легче. Во-первых, тогда студенты не обязаны были посещать лекции, лишь бы своевременно обрабатывали лабораторные задания и сдавали зачёты. Во-вторых, были организованы студенческие рабочие артели, прикреплённые к разным организациям, подбиравшим им работу полегче и поприбыльнее.

Я вступил в студенческую артель из самых здоровых ребят, которая работала в Ленинградском порту. Механизация порта была ещё невысокой, порядочная доля погрузки шла на плечах и на тачках. Особенно выгодна была погрузка соли – девятипудовые кули посильны не каждому, – а также катание дубовой клёпки. Мокрая, она составляла на тачке очень тяжёлый груз, обращаться с которым на узких и гнущихся досках-трапах – целое искусство.

Мы зарабатывали при удаче до девяти рублей в день. Двухнедельная работа обеспечивала два месяца безбедного, по тем студенческим меркам, житья. Само собой разумеется, что так зарабатывать могли только сильные, закалённые люди. Другие же, более слабые ребята, сторожили по ночам склады, расчищали замусоренные пустыри. Зарабатывали они, разумеется, меньше. На одной из таких работ, взявшись вместе с товарищами построить ограждение

вокруг чьего-то капустного огорода, я едва, как говорится, не “отдал концы”: исцарапал ржавой проволокой руки, заразился столбняком. <...>

...В то время строек в городе почти не было. Если и случались, то на них не было отбоя от постоянных квалифицированных строителей. Я был одно время секретарём комиссара по какой-то практике. Мы сами, студенты, распределяли места на практику. Это был более серьёзный вопрос, чем сейчас может показаться, потому что для нестипендиатов два-три месяца летней практики, то есть оплачиваемой работы по своей или близкой специальности были не только возможностью подкормиться, но и материально обеспечить себя хоть на часть следующего учебного года. Если бы вы видели, сколько слёз сопровождало каждое распределение путёвок на летнюю практику, тогда вам стало бы ясно нелёгкое положение студенчества в начале НЭПа, в только что начинавшей строиться Советской стране»⁴¹.

Весной Иван встретил знакомого механика и узнал, что на пивзаводе «Красная Бавария» требуется шофёр: «К концу первого года обучения в ленинградском университете я получил постоянное место шофёра ночной смены на пивном заводе и среди студентов стал богачом с постоянной зарплатой от пятидесяти до шестидесяти рублей в месяц»⁴². Однако это “богатство” мне не принесло никаких сбережений на будущее. Товарищи вокруг жили так бедно, что я не мог не помочь им. В неизбежном результате мой “высокий” заработок позволял лишь иногда покупать книги. Всё остальное расходилось по рукам и, конечно, безвозвратно»⁴³.

Именно на эти годы приходится увлечение Ефремова футболом и академической греблей. Гребные базы в Ленинграде были на островах. Скольжение лодки по чистой воде, свежая зелень на берегах, радостная игра сильных мускулов давали ощущение слияния с природой.

Сложное впечатление оставляла в душе быстротекущая современность.

В двадцатые годы в Ленинграде существовала организация под названием «Всероссийская академия материальной культуры», её сокращённо называли Всеросакматеркуль. Аббревиатура произвела на студента неизгладимое впечатление. Когда хотелось отвести душу, высказаться крепко по поводу того-то и того-то, а приличия не позволяли, на ум приходило именно это сокращение⁴⁴.

⁴¹ Ефремов И. А. Путь в науку. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 269–270.

⁴² Оклад академика АН СССР в 1925 году составлял 50 рублей в месяц.

⁴³ Ефремов И. А. Путь в науку. В кн.: Ефремов И. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. М., 2009. С. 270.

⁴⁴ В романе И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» Веда Конг ведёт археологические раскопки «Ден-оф-куль» (буквально с англ. «Берлога куль[туры]»). Возможно, название появилось под влиянием указанной аббревиатуры, считает исследователь творчества Ефремова А.И. Константинов.

Кызыл-Агачский залив и навигация на Каспии

Постоянные читатели иллюстрированного журнала охоты и рыболовства «Охотник» в одиннадцатом номере за 1925 год встретились с новой фамилией: И. Ефремов. Статья занимала два небольших столбца, но для Ивана она была важной вехой: это была его первая научная публикация. Приведем её целиком:

«Ещё о защите Закавказских зимовок.

Прочтя статью проф. Головнина («Охотник», № 2), и заметку И.С. Богомолова («Охотник», № 6-7), считаю долгом высказать своё мнение. Этим летом я как раз был командирован в Азербейджан⁴⁵, в Ленкоранский и Кызыл-Агачский районы, для зоологических исследований и, между прочим, для обследования мест, пригодных для заповедника.

Проект заповедника в Ленкоранском районе давно уже возник в Отделе Охраны Природы, в Главнауке. И прежде чем говорить о получении средств на устройство заповедника, следует подробно и точно осветить вопрос о размерах его и условиях местности, в которой будет устроен заповедник. Тогда более или менее выяснится, какая сумма понадобится на устройство и содержание заповедника и может быть поднят вопрос о получении нужной суммы. Конечно, говорить о необходимости заповедника не приходится. Если взглянуть на карту пролётных путей, станет ясно, что заповедник должен быть устроен или в Ленкоранском, или [в] Кызыл-Агачском районе. Пролётных путей из СССР можно считать два. Один по УССР (станция запов. Аскания-Нова) через Румынию и т. д. в Африку, а другой из РСФСР и Сибири через Астрахань (станция – Астраханский запов.) и по западному побережью Каспия в Ленкорань. Западное побережье Каспия от Махач Калы до Сальян неблагоприятно для водоплавающей и болотной дичи, вследствие наличия больших, выжженных солнцем пространств, где птицам негде укрыться. И масса летящих птиц, измученных долгим пролётом, в колоссальном количестве скопляется среди роскошной растительности, в мягком климате болот и озёр Ленкоранского и Кызыл-Агачского районов. Таким образом, (считая и заповедники РСФСР) мы, с созданием Ленкоранского заповедника, имеем непрерывную линию заповедников от начала и до конца пролёта. С учреждением орнитостанции в заповеднике мы получим громадную пользу в смысле статистического учёта, кольцевания и изучения биологии наших птиц при том колоссальном количестве птицы, скопляющейся здесь. Мне приходилось, напр., видеть стаи короваек⁴⁶ по 1000–1500 штук на небольшом участке. Охотниками-промышленниками здесь набивается невероятное количество дичи – нередко 100–200 штук в день на ружьё. Но главная опасность грозит не с этой стороны. Наркомземом АССР намечены и уже начаты оросительные работы (проводка воды из озёр на Мугань), покамест в Зернан-Галинском районе. Легко видеть последствия. С высыханием озёр и заболоченных пространств камыши исчезнут, и птицы, принуждённые скучиться на ещё меньших пространствах, частью будут перебиты, частью уйдут зимовать в Африку или др. троп. страны. Значение Ленкоранского и Кызыл-Агачского районов как мест зимовок сведётся до минимума. А нельзя забывать, что Ленкоранский и Кызыл-Агачский районы как по богатству своей орнитофауны, так и по сконцентрированности зимовок северных охотничьих птиц не имеют себе равных во всём СССР. Всеохотсоюзу⁴⁷ и Отделу Охраны Природы нужно обратить на это самое серьёзное внимание. Мною сейчас разрабатывается проект заповедника в Ленкоранском районе и, возможно, что он вскоре будет напечатан вместе с описанием охотничьих животных и птиц Ленкорани. На основании моих исследова-

⁴⁵ Так в тексте.

⁴⁶ Коровайка или каравайка – *Falcinellus igneus*, птица из семейства ибисовых темно-бурого цвета, широко распространенная на юге России.

⁴⁷ «Всесоюзный кооперативный союз охотничьего промысла», или «Всероссийский союз промыслово-охотничьих кооперативов».

ний я нахожу, что устройство и содержание заповедника с орнитостанцией не потребует значительных затрат благодаря хорошим естественным условиям. Всех интересующихся устройством заповедника прошу за разъяснением обратиться ко мне – Ленинград, Троицкая, 23, кв. 4, И.А Ефремову, – с удовольствием постараюсь дать нужную справку. Горячо желаю, чтобы Всесоюзный союз обратил внимание на идею заповедника в Азербайджане».

...В Ленкорань Ефремова отправил Сушкин. Для изучения будущей территории заповедника и сбора орнитологической коллекции нужен был молодой энергичный сотрудник.

Сушкин представил Ефремова академику Владимиру Леонтьевичу Комарову⁴⁸, прославленному географу и ботанику, исследователю Туркестана, Дальнего Востока, Маньчжурии и Кореи. Комаров был знаком с директором биостанции в Ленкорани и написал для него рекомендательное письмо:

«Предъявитель сего И. А. Ефремов едет в Талыш для зоологической работы. Не можете ли Вы дать ему указания насчёт опорных пунктов и способа передвижения в этой замечательной стране. Помощь Ваша очень важна и наверное будет оценена по достоинству. Молодой человек – настоящий тип начинающего учёного.

Преданный Вам В. Комаров. 1 июня 1925 г.»

Такая рекомендация академика Комарова дорого стоила! Иван несколько раз, как заклинание, повторял: «Молодой человек – настоящий тип начинающего учёного». Лестно, но обязывает ко многому. И ему по-мальчишески хотелось во что бы то ни стало соответствовать этой характеристике.

Иван с энтузиазмом отправился в путь, тем более что ему предстояло встретиться с новым для него морем – Каспийским.

Пассажиры бакинского поезда были совсем не похожи на пассажиров поезда дальневосточного. Азербайджанцы, персы, армяне, грузины – все они были пёстро одеты, громко разговаривали, смеялись и постоянно пили чай, наливая его в пиалы из круглых больших чайников.

В жёлтом, прокалённом солнцем и пронизанном горячими ветрами Баку Иван не задержался надолго. Он поспешил на пристань, где нашёл небольшой корабль, направляющийся в Ленкорань, от которой рукой подать до Ирана. Каспий встретил путешественника крутой волной, но только когда на горизонте окончательно скрылся Апшеронский полуостров, Иван ощутил себя в море. Ему казалось, что он знаком с Каспием необыкновенно давно – так явственно представлял он себе это гигантское озеро по рассказам Лухманова, проплававшего здесь не один год.

Ленкорань заметна издалека по суровым и печальным развалинам крепости на горе. Здесь русскими войсками был совершён подвиг, полузабытый в России потому, что пришёлся на время другой великой войны. Когда войска Кутузова гнали армию Наполеона из России, в Закавказье продолжалась война с Персией, причём персы, пользуясь войной на территории России, усилили натиск. В декабре войско молодого генерала Петра Степановича Котляревского подошло к крепости Ленкорань, которую занимал четырёхтысячный персидский гарнизон. После пятидневной осады 1 января 1813 года отряды Котляревского, уступая в численности персам, пошли на приступ. После трех часов штурма крепость пала, но Петр Степанович был тяжело ранен в челюсть и уже никогда не смог воевать. Война с Персией завершилась победой России.

Иван без труда нашёл в маленьком городке с единственным двухэтажным зданием биостанцию, где ему дали проводника, и купил по его совету на базаре тубетейку.

⁴⁸ В честь В. Л. Комарова, президента АН СССР в 1936–1945 годах, назван посёлок Комарово Ленинградской области (бывший Келломяки), где был построен дом отдыха Академии наук.

Вечером перед намеченным выходом Иван решил забраться на гору, увенчанную крепостной стеной с двумя сохранившимися башнями. Как же тяжело было подняться сюда под огнём противника солдатам дерзкого тридцатилетнего генерала!

Отдышавшись, Ефремов огляделся. На востоке дымчатым опалом блистало море. К югу хребты Талышских гор подступали к Каспию, там с вершин по крутым уступам ущелий неслись к морю бурлящие речки. На севере и северо-западе простиралась уже утопающая в вечернем сумраке низменность с рисовыми и овощными полями, фруктовыми садами, с многочисленными озёрами, заросшими камышом, за которыми впадала в Каспий мутная Кура.

Туда, на север, и отправилась маленькая экспедиция.

Ефремов с проводником исходили все берега Большого Кызыл-Агачского и Малого Агачского заливов. Первый состоял из двух больших мелководных заливов и косы между ними. Он почти не связан с морем и опреснён водами впадающих в него рек. Бродя по низким влажным берегам, путешественники часто едва продирались через сплошные заросли ежевики, тамариска и высоченных тростников. Прекрасные угодья для водоплавающих птиц!

Вода в Малом Агачском заливе, соединённом с Каспием, оказалась солёной и очень тёплой. В ней водилось множество мелких рачков и других беспозвоночных, которыми круглый год питались морские утки и фламинго. Затаив дыхание, наблюдал Иван за этими диковинными птицами.

Вдоль моря на полоске берега шириной в три-четыре километра и длиной в тридцать километров тянулись солончаковые луга, которые после дождей превращались в мелководные озёра, которые здесь называли разливами.

Чаще всего путешественникам на глаза попадались белые цапли – на них Иван по просьбе Сушкина обращал особое внимание. В тростнике, скрытые от глаз, пели камышовки. Голос чёрного петушка турача слышался из кустов ежевики. Резко кричали чайки. Вскидывая головы, закидывали себе в мешок рыбу пеликаны. Над разливами кружили ястребы и орланы-белохвосты.

Болотные черепахи выходили на сушу, чтобы погреться на солнцепёке. Несколько раз дорогу пересекали семьи кабанов с полосатыми поросятами. Водились здесь волки, шакалы, барсуки, лисицы, водяные крысы и камышовые коты.

Выполнив задание Сушкина по сбору орнитофауны и подготовив схему будущего заповедника, экспедиция вернулась в Ленкорань. Уже через год Большой Кызыл-Агачский залив объявили охотничьим заказником, а в 1929 году здесь был создан заповедник.

На несколько дней Ефремов выбрался в Талышские горы. Его поразила могучая растительность гор: смыкались кронами высокие каштанолистные дубы, срастающиеся ветвями железное дерево, кавказский граб. Стволы были обвиты лианами, под пологом рос самшит. Восхищало обилие дикорастущих плодовых деревьев: алычи, айвы, кизила, ореха, яблонь, груш, граната. В зарослях папоротника прятались дикобразы и каменные куницы, высоко держали головы пугливые косули, неслышно подкрадывались к ним леопарды и полосатые гиены.

Однако Иван заторопился назад, в Ленкорань. В конце XIX века этот город не имел своего порта: суда останавливались на открытом рейде в полуверсте от берега, а к кораблю устремлялись плоскодонные лодки – киржимы. После работ по углублению дна и постройки порта важную роль стала играть лоцманская дистанция, работники которой обеспечивали безопасность плавания. От гидрографического катера требовалось обследовать рельеф дна, делать промеры глубин и другие гидрографические измерения, обслуживать средства навигационного оборудования – ремонтировать буи и береговые знаки на дистанции.

До октября Иван Ефремов командовал гидрографическим катером Ленкоранской лоцманской дистанции УБЕКО⁴⁹ Каспийского моря в чине старшего матроса. После плавания на

⁴⁹ УБЕКО – управление безопасностью кораблевождения. Служба подчинялась ГПУ Азербайджанского ЧК.

«III-м Интернационале» служба на Каспии сначала казалась сплошным праздником. В морском бушлате, в фуражке с кокардой – серп и молот над якорем, с трубкой в зубах – он хотел ощутить себя настоящим семнадцатилетним капитаном. Душа летела навстречу волнам, но ум продолжал работать, и откуда-то исподволь подступала странная неудовлетворённость. До книг, которые взял с собой Иван, не доходили руки – добравшись до койки, от усталости юный капитан засыпал мгновенно.

Как возликовал Иван, когда ему принесли телеграмму от Сушкина! Всего три слова: «Предлагаю место препаратора» – заставили его отплясывать дикую джигу на палубе старого катера. Он тут же телеграфировал согласие.

Сотрудник Геологического музея

Ещё только подходя к Республиканскому мосту, Иван кинул взгляд на ансамбль Стрелки Васильевского острова и был поражён. Вот торцом – университет, справа – Академия наук. Но что-то не так, как было ещё весной, Академия – вроде и не Академия. «Старушка» стоит как новенькая: побелена, подкрашена, почищена!

Возле неё стояли бараки-мастерские, которые безобразили набережную. Их нет! Фасады всех окружающих зданий приведены в парадный вид. Подходя ближе, Иван заметил ещё одну перемену: на обновлённых тротуарах и мостовых не было травы! За годы войн и разрухи, когда по Стрелке не было почти никакого движения, дороги заросли. Теперь трава была тщательно выполота. С площади возле здания Биржи исчезли склады стройматериалов. Вот и музей – бывшая Петровская таможня. Он тоже обновлён и покрашен.

Значит, юбилей действительно проходил с размахом!

Иван из газет знал, что в сентябре 1925 года Академия наук с размахом отметила свое двухсотлетие. Событие получило политическую окраску: наука помогала вывести страну из международной изоляции. Чтобы не ударить в грязь лицом перед именитыми иностранцами, правительство выделило деньги на срочный ремонт не только здания Академии, но и всего прилегающего квартала. Были обновлены многие экспозиции, оборудованы новые выставки. На стене парадной лестницы в Академии было вмонтировано мозаичное панно Ломоносова «Полтавский бой», которое до этого тридцать пять лет простояло в проходной комнате Академии художеств. Залы Академии были обставлены прекрасной мебелью и цветами. Всем служащим пошили новые форменные костюмы. Молодая республика была бедной, но гордой – гостей встретили с достоинством.

Юбилей отшумел, но Академия перестраивалась на новые рельсы: теперь она уже не была только Российской – она стала Академией наук СССР. Изменение в названии отражало структурные изменения: если раньше это было учреждение для «первенствующего научного сословия», то теперь Академия превращалась в разветвлённую систему научно-исследовательских институтов, работа которых должна быть связана с народным хозяйством, иметь не только теоретическое, но и прикладное значение. Расширялся штат, позже стали выделяться самостоятельные институты.

Музей Академии разделился на два самостоятельных музея: Геологический и Минералогический. Теперь Ефремову не нужен стол в кабинете Сушкина – у него, научно-технического сотрудника Академии наук СССР, появилось своё рабочее место. Сушкин уже не просто наставник – они вместе делают общее любимое дело.

Учреждение Кызыл-Агачского заказника – для Ефремова первая победа, для Сушкина – доказательство его проницательности. Он не ошибся в выборе. Этот юнец способен видеть проблему широко и, не упуская мелочей, двигаться к крупным обобщениям.

Сушкин с гордостью провёл Ефремова по обновлённым экспозициям музея. С особенным чувством учитель вошёл с Иваном в зал, где были выставлены птицы, добытые в алтайских экспедициях. На стене нарисовано живописное панно «Монгольский Алтай», чтобы посетитель сразу видел, где, в каком ландшафте обитают подобные птицы. На стремянке стоял с кистью невысокий, суховатый бритый человек, быстрыми и точными движениями что-то поправлявший в рисунке. Выставки обновлялись в спешке, чтобы всё было готово к приезду гостей. Панно было готово в целом, но художник видел недоделки и задержался в музее, чтобы довести работу до конца.

Увидев Сушкина, он спустился вниз.

– Это наш новый сотрудник, Иван Антонович Ефремов, – представил спутника академик. – А это Григорий Иванович Гуркин, замечательный алтайский художник. Только он умеет так виртуозно писать великие сибирские горы.

Почти двадцать лет спустя, в первом номере журнала «Техника – молодёжи» за 1944 год, будет опубликован рассказ Ефремова «Дены-дерь» – «Озеро горных духов».

«...Всмотревшись в его желтоватое монгольское лицо, я заметил сильную проседь в торчащих ёжиком волосах и жёстких усах. Резкие морщины залегли в запавших щеках, под выступающими скулами и на выпуклом высоком лбу», – так опишет в этом рассказе Ефремов художника Чоросова, прототипом которого в рассказе стал Григорий Иванович, прибавивший к своей фамилии родовое имя – Чорос-Гуркин.

Гуркин протянул руку высокому парню в азиатской тюбетейке со сдержанной вежливостью, но восхищение юноши красотой панно было таким искренним, что художник стал приветливее.

Опытный художник и начинающий учёный ещё не раз встречались в музее, беседовали неспешно. Григорию Ивановичу было тогда 55 лет. Потомок теленгитского хана, несущий в себе представления и верования алтайских племён, он был глубоко вживлён в русскую культуру. Иван Иванович Шишкин пригласил молодого алтайца, не принятого в Академию художеств, работать в своей личной мастерской. Восемь месяцев трудился Гуркин бок о бок с прославленным пейзажистом. В марте 1899 года Шишкин умер на руках у своего ученика. После этого Григорий Иванович был зачислен в пейзажный класс Академии художеств.

Петербургжцы воспринимали Гуркина как сибирского художника. Григорий Иванович участвовал в выставках Императорского общества поощрения художеств, секретарём которого с 1901 года был Николай Константинович Рерих.

Романы Ефремова наполнены упоминаниями о художниках и скульпторах, о любимых картинах и статуях. Может быть, именно строгий алтаец пробудил в страстном юноше любовь к искусству?

Немногословные рассказы Гуркина об особо замечательных местах Алтая врезались в память Ивана, поражённого острой наблюдательностью собеседника. Возможно, именно тогда запала в память Ефремова история о встрече с озером горных духов, которая годы спустя превратилась в дивными красками переливающийся рассказ.

Картина «Озеро горных духов», написанная в 1910 году, была так популярна, что Гуркин сделал с неё несколько автокопий. Одну из них художник привёз с Алтая, где он жил, в Ленинград. Иван запомнил все малейшие оттенки красок, все чёрточки и детали. Это и помогло ему по памяти создать великолепное словесное описание картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.